

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга.
Невеста из чаши

928-939 гг.

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Невеста из чащи

«Автор»

2015

Дворецкая Е. А.

Княгиня Ольга. Невеста из чаши / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2015 — (Княгиня Ольга)

ISBN 978-5-699-83173-9

Эльга, дочь варяжского воеводы и псковской княжны, семилетней девочкой оказалась вовлечена в борьбу правящих родов южной и северной Руси. Родня хочет устроить ее жизнь по древним обычаям, но племянница Олега Вещего не из тех, кто подчиняется чужой воле. Сама избрав свой путь, Эльга отправляется в Киев – туда, где ждет ее наследство прославленного дяди и еще незнакомый жених. Но успех достанется ей недешево, и путь к нему отмечают сломанные судьбы близких, оскверненные святыни и пролитая кровь...

ISBN 978-5-699-83173-9

© Дворецкая Е. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Елизавета Дворецкая

Княгиня Ольга. Невеста из чащи

Глава 1

Когда умер стрый наш Хельги, нам с Эльгой было по семь лет. Мы его совсем не знали, да и наши отцы, его младшие братья, не виделись с ним уже много лет. Он жил очень далеко на юге, в Киеве, и весть о его смерти до нас дошла только через полгода, когда установился санний путь и торговые гости тронулись в обратную дорогу. Нам привез эту весть Гремята, брат моей матери, что ездил в этот раз с товарами в Киев. И это, несомненно, была правда: в подчиненных руси из Киева землях уже объявили, что дань этой зимы заберут в следующую.

Наши матери оделись в «печаль», и княжий двор в Плескове тоже, хотя не в такую глупую: князю Судогостю далекий Хельги киевский, которого здесь называли Олегом, по прозвищу Вещий, приходился всего лишь сватом. Но на поминальный пир Судогость, конечно, к нам приехал и привез всех своих сыновей. Из Выбут за рекой прибыли родичи моей матери, пришли многие из окрестных старейшин: просторная изба стрья Вальграда была полна. Наши матери наварили ячменной каши с медом и без соли, наготовили ржаного и овсяного киселя, напекли блинов. По обычаю плесковичей, на стол поставили миску и ложку для покойного, положили горячей каши, чтобы дух угощался паром. Домолюба Судогостевна, как старшая невестка, поклонилась в закатную сторону и пригласила умершего к столу:

Приходи, да родный брателко,
Приходи да меду пити,
Меду пити да поесть.
Да пойдешь ты не дороженькой —
Темным лесом да болотом...

И тот, кто за долгую свою жизнь овладел многими землями, утвердился на столе старых полянских князей Киевичей, взял добычу из самого Греческого царства, привез из-за моря столько золота, узорочья, дорогих сосудов и цветных паволок, что цветное платье не вмещалось в лоды и свисало через борта – теперь довольствовался струйкой пара над тремя ложками горячей каши и парой блинов. Правда, лежало угощение на красивом греческом блюде, где по желтому полю нарисованы были две бурые птицы с синими перышками – из Олеговой же царьградской добычи. Он сам когда-то прислал его младшим братьям среди прочих даров.

Детям в поминальном пиру участвовать не полагалось, но отцы разрешили нам остаться в избе.

– Ваш стрый Хельги прославил наш род, – сказал Вальгард, Эльгин отец и старший брат моего отца. – Вам повидать его не довелось, но этот день вы запомните накрепко – будете до старости о нем детям и внукам рассказывать.

Не все из нас к тому времени достаточно подросли, чтобы и впрямь что-то запомнить. Старшей среди нас была тринадцатилетняя Вояна – дочь Домаши от ее первого мужа, а младшим – мой родной брат Кетька: его только той зимой отняли от груди и отдали под мой пригляд. Кроме него, родной брат у меня был один – Аська. Ему исполнилось девять, он еще иногда играл с нами, но чаще поглядывал в сторону хирдманов. Зато у Эльги, кроме Вояны, были еще две младшие сестры – Володейка и Беряша, и двое младших братьев. Я, единственная в нашей семье дочь, сколько себя помню, постоянно бегала к двоюродным сестрам. Осо-

бенно близки мы были с Эльгой: мы родились в один год, росли и всему учились вместе и были неразлучны, как две руки одного тела.

И вот мы, все девять голов, лежали на полатах и прислушивались к разговорам внизу. Было боязно: мы слышали, что покойный стрый придет принимать угощение, но не знали, увидим ли мы его и очень ли будет страшно. Повеет ли на нас стужей? Упадет ли на лицо холодная слеза невидимого гостя? Застучит ли лавка, скрипнет ли дверь? Знакомая изба, сплошь увешанная белыми поминальными рушниками, стала новым и неудобным местом; казалось даже, будто все мы ради памяти Олега перенеслись этим вечером в Навь. Наверное, он был колдун; не даром же его там, у полян, прозвали Вещим.

Но пирование за столом из двенадцати блюд шло буднично, разве что хлеб не резали, а ломали. Мой отец и стрый Вальгард рассказывали о юности своего брата, о предках, о походах и подвигах. Он был старше их обоих на много лет, и отчасти они смотрели на него как на отца. Что и говорить: никто иной из нашего рода не достиг столь многого. В его честь Вальгард назвал свою старшую дочь. К тому времени Олег уже давно правил землей полян, и даже старые наши князь и княгиня не возражали, чтобы их внучка получила варяжское имя.

– И кто же теперь будет в Киеве сидеть? – спрашивали старейшины. – У Ельга же сыновей никого не осталось?

Все вопросительно смотрели на наших отцов, а те качали головами. В одном мудрому Олегу изменила удача: ему пришлось пережить своих сыновей. Говорили, их у него было четверо, но к нам ни один ни разу не показывался. Трое погибли в походах, а самый младший, Рагнар, умер от лихорадки. Люди говорили, такова была цена Олеговой удачи. Судьба ведь ничего не дает даром, и если она позволила человеку возвыситься больше, чем он мог ожидать, расплачиваться за это придется его потомству.

– Новым князем кияне Олегова внука признали, от дочери его, – сказал Гремята. – Его тоже Олегом зовут. Он и по отцу княжьего рода – так кому же, как не ему? Киевские бояре за ним поехали в Холм-град.

– Но он же дитя еще? – Судогость посмотрел на нас, будто сравнивал.

– Нет, княже, ты забыл, как быстро время идет, – возразил тестю Вальгард. – Олегова дочь вышла за Предслава, беглеца из земли моравской, лет двадцать назад, и сын их давно взрослый. Может, успел и правнуков брату моему нарожать.

– В Холм-граде его женили, мы слышали? – заметил выбутский старейшина Доброзор, наш с Аськой и Кетькой дед по матери. – Без жены его в Киев не отпустят.

Глядя с полатей на родичей и гостей, на блюда, чаши и рога, слушая разговоры, мы еще мало что понимали. Наш двоюродный племянник – взрослый мужчина, недавно провозглашенный киевским князем, – рисовался нам весьма смутно. В наши головы тогда даже мысли не приходило, что нам суждено когда-нибудь с ним повидаться.

В конце пира Домаша отошла к двери и ответила за покойного, кланяясь из тени:

– Я с вами да насиделся,
Да на вас да нагляделся,
Я всего да накушался,
Да спасибо вам за все,
Да живите да не ссорьтесь.
А мне пора да восвояси,
Восвояси, да в темну могилку.
Далека да моя дороженька –
По темному лесу, по болоту...

И вот тут нас пробрала дрожь: в голосе Эльгиной матери мы и правда услышали гостя из Нави. Следя за ней, мы затаили дыхание и прижались друг к другу потеснее.

На другой день остатки поминальной стравы опустили в реку, «печальные» рушники убрали со стен, жилье приняло привычный вид. Жизнь пошла по-прежнему, и мы обо всем этом забыли. Казалось, далекий и неведомый Олег Вещий бросил на нас пристальный взгляд из Закрадьи и снова скрылся навсегда.

И лишь много времени спустя мы поняли, как прав был Вальгард, когда велел нам получше запомнить этот день.

* * *

До молодого Олега Предславича – того человека, которого смерть Олега Вещего затрагивала сильнее всех, – важная весть добралась еще позже.

Нынешняя зима оказалась щедрой на метели. Немало дней миновало, прежде чем киевский обоз дополз до берегов Ильменя. Обогнул замерзшее озеро, миновал несколько поселений и наконец притаился к истоку Волхова, где высился городок – столица здешнего края. Когда-то поблизости стояла словенская весть под названием Холм, а на самом холме были пашни, но лет сто назад на этом месте обосновались варяги. Они стремились навстречу потоку серебряных шелягов из далеких сарацинских стран, и здесь было удобно, не отклоняясь от торговых путей, обменивать железо и бронзу из Свеаланда на шкурки куниц и бобров. Этот товар потом везли на Волгу, в Хазарское царство и еще дальше – на Гурганское море, а взамен доставляли серебро для украшений, узорные шелковые ткани, расписную посуду, яркие бусы из разноцветного стекла или камня. Всякое лето на корабельной стоянке у Волхова дымили костры, порой возле них сидели кучками понурые пленники – тоже товар немалого спроса в сарацинских странах. Местные жители, завидев эти дымы, съезжались предложить свой товар в обмен на привезенный.

Тородд, дед нынешнего конунга Олава, перебрался сюда из Ладogi Тородд конунг и возвел укрепления на месте старинного славянского селения. Назывался он Хольмгард – «город на острове», ибо помещался между Волховом и его рукавом и по весне иногда оказывался отрезан от суши разлившимися водами. Стены из засыпанных землей срубов не опоясывали вершину холма или мыса, а полумесяцем огибали возвышенную часть берега. Со временем Хольмгард разросся и уже не помещался в старых укреплениях; его кузнецы и прочие умельцы снабжали своими изделиями всю округу. Ныне он был самым сильным и влиятельным из трех варяжских городцов в Поозёрье. Свой род его хозяева возводили к легендарному Харальду Боезубу и потому имели право на королевский титул.

Во времена сына Тородда, Хакона, через эти места прошел с дружиной на юг Хельги сын Асмунда. На среднем Днепре он создал свою державу, где прославился под именем Олега Вещего. При нем открылся путь из Поднепровья в богатое Греческое царство. Тогда же оба владыки, с верхнего и нижнего конца Пути Серебра, заключили между собой договор о дружбе и свободном проходе торговых обозов. Каждый из двух властителей, южный и северный, отдавал своего наследника в дом другого: молодые люди служили заложниками мира, а заодно привыкали видеть в соперниках своих друзей. И родичей, поскольку жену им, по обычаю, подбирали здесь же.

Сейчас в Хольмгарде правил Олав, внук Тородда. В юности он несколько лет прожил у Олега Вещего в Киеве и там получил свою первую жену, Гейрхильд. От второй жены Сванхейд, внучки конунга свеев, у него родилось одиннадцать детей, однако пятеро умерли совсем маленькими, и растила королева только шестерых.

Уже шесть лет в Хольмгарде жил Олег Предславич, внук Олега Вещего. В обмен на него Олаву пришлось отправить в Киев своего наследника. Старшему из живых сыновей, Ингвару,

к тому времени исполнилось всего четыре года. Он и уехал на юг, сопровождаемый воспитателем, Свенельдом, и Свенельдовым сыном Мистиной, своим товарищем.

Приняв в доме четырнадцатилетнего Олега, Олав предназначил ему в жены свою дочь Альвхильд, на год старше него. Замысел не удался: Альвхильд умерла в ту же зиму. Следующей по возрасту дочери, Мальфрид, тогда было всего одиннадцать, и лишь пару лет назад королева Сванхейд наконец дала согласие на свадьбу.

Жена и принесла Олегу-младшему первую весть о перемене в их общей судьбе.

Ранним зимним утром, пока Олег еще спал, Мальфрид встала и среди глухой синей тьмы ушла в коровник присмотреть за служанками. Однако она вернулась почти сразу и положила холодную ладонь на голову мужа:

– Хельги! Проснись! – Она говорила на северном языке, как было принято в Хольмгарде, хотя знала и словенский. – Случилось кое-что! Это важно!

Мальфрид принесла горящую лучину и зажгла масляный светильник. По избе разлился тусклый желтоватый свет. Молодая женщина поставила светильник на ларь: стала видна медвежья шкура на бревенчатой стене, резные, по северному обычаю, столбы лежанки. Для подушек Мальфрид сама собирала минувшей осенью пух с бурых початков рогоза, а льняное полотно для наволочек и настилальников спряла и соткала еще до замужества.

– Что там такое? – Олег повернулся и заморгал, щурясь на свет и прикрывая глаза рукой. – Твоя любимая корова заболела?

– Нет, нет.

Мальфрид села на край лежанки возле мужа. Для хлопот по хозяйству она надевала простой овчинный кожух; от него пахло зимним холодом и хлебом. Румяное от стужи лицо Мальфрид было непривычно сурово.

– Это намного важнее. Там пришел один человек, рыбак... Он сказал: вчера к нему заходил его зять и рассказал... с юга идет обоз из Кенугарда, и там люди, они едут к тебе. Они говорили... Это сказал тот рыбак, а ему – его зять... Якобы на том берегу уже все знают...

– Ну, так в чем дело? – Олег сел, удивленный таким длинным запевом. – Я ничего не понимаю.

– Они говорят, что в Кенугарде умер твой дед Хельги! – решила наконец Мальфрид и замолчала, давая мужу время осмыслить новость.

Теперь Олег понял, почему жена зашла так издалека.

Он потер лицо ладонями, пригладил темно-русые волосы. Весть была слишком важна, чтобы вот так сразу ее принять. То, о чем болтают рыбаки и жители прибрежных весей, еще не обязательно правда, это может быть пустой слух. Но все же... Чему удивиться: деду пошел седьмой десяток. А других прямых наследников у него нет, потому именно он, Олег-младший, и был увезен на другой край света еще подростком.

Единственный внук не видел его очень давно: шесть лет, почти треть всей своей жизни. Вещий не качал мальчика на коленях: ему хватало других забот. Поэтому сильнее скорби в душе Олега-младшего было смятение; взвился целый вихрь мыслей о переменах, которые эта смерть принесет ему, наследнику прославленного вождя и мудреца.

Он поднял глаза на молодую жену. Мальфрид смотрела на него: ждала, чтобы он сказал, как ей относиться к этой новости.

Мальфрид выросла у Олега на глазах, он с отрочества привык к мысли о браке с нею. Высокая, крепкая, ему под стать, дочь Олава обладала округлым скуластым лицом и настолько светлыми бровями и ресницами, что их почти не было видно на белой коже. Только весной, как выгянет солнце, кожа ее принимала ярко-розовый оттенок спеющей брусники, и тогда беловато-золотистые брови и тонкая полоска таких же волос, видная из-под покрывала надо лбом, сияли, будто солнечные блики. А глаза, обычно серо-голубые, становились ярко-синими, как цветущий лен.

Про нее не скажешь, что красавица, но Олег был не из тех, кто льстит на красоту. Он и сам был не красавцем; лицо у него было из тех, что называют костистым: выступающие скулы, надбровные дуги, жесткий подбородок, немного впалые виски, однако приветливый взгляд смягчал жесткие черты лица. Был он очень рослым, но соразмерного сложения; прямой сильный стан, крупные, красивые кисти рук с длинными пальцами, не слишком большие ступни придавали всему его облику благородный вид, как и должно быть при его высоком происхождении, и Мальфрид считала, что ей очень повезло с мужем. Почти с детства, едва узнав, что этот рослый неразговорчивый отрок – ее будущий супруг, она твердо решила во всем разделять его судьбу, будет она добра или зла. В первые годы они мало общались, хоть и виделись каждый день, но Олег всегда ощущал ее молчаливое сочувствие и был за это благодарен. Сам же он готов был в ответ во всем поддержать ее. Ни словом не попрекнул жену за то, что вот уже почти два года миновало после свадьбы, а о детях и намека нет. Мать ее отличалась плодовитостью, супруги были молоды, и Олег верил, что многочисленное потомство у них впереди.

– Что за люди, тот рыбак не сказал?

– Он же их не знает. Но он сделал такое лицо... – Мальфрид попыталась изобразить важность: выпучила глаза и подняла брови. – Надо думать, это знатные люди. Хёвдинги.

– Это у полян называется старейшины, – отрешенно поправил Олег, будто пытался вернуться мысленным взором на свою далекую теплую родину. – А еще – нарочитые мужи.

– Я знаю, – по-словенски ответила Мальфрид.

Словно хотела дать понять, что готова жить среди людей, говорящих только на словенском языке.

– Если это старейшины, то их, наверное, послало вече, – заметил Олег. – Только бы раздор не случилось из-за наследства моего. У деда из мужчин в наследниках только я.

– А что если он там успел обзавестись еще ребенком? – Мальфрид подняла брови. – Говорят, у него было десять жен, и он брал по деве из каждой покоренной области, будто каган хазарский!

– Даже если и успел, это еще совсем дитя...

– Что бы там ни было, мой отец тебе поможет! – уверенно сказала Мальфрид.

– Само собой! – Олег усмехнулся, но его сдвинутые брови выдавали тайную тревогу. – Не зря же он меня кормил шесть лет – не чтобы в овраг метнуть!

Он откинул одеяло на беличьем меху и взял с приступки вязанные чулки.

– Я достану тебе одежду получше! – Мальфрид устремилась к ларю. – Вдруг эти люди уже сегодня будут здесь!

* * *

Большой обоз, пришедший по Ловати с юга, на Ильмене разделился: разошлись по своим местам люди из Будгоща, обоих варяжских городцов, из Словенска на речке Прости. Новость о том, что с обозом едут нарочитые мужи из Киева, имеющие дело до Олега, Предславова сына, Олегова внука, разлетелась по берегам быстрее птицы. Городцы и селения взволновались: гордость мешала нарочитым мужам словен явиться к Олаву без приглашения, но сильнее было желание узнать, с чем приехали кияне и что будет дальше.

Когда обоз добрался до Хольмгарда, здесь все было готово к приему. Даже баню затопили, едва заметив вереницу саней на льду вдалеке. Никто не набрасывается на гостей с расспросами на пороге, поэтому Олав и его жена Сванхейд лишь приветствовали приехавших, а потом челядь отвела коней в конюшни, людей – в баню и гостевые избы.

Явились гости и в избу Олега-младшего. Выйдя к воротам посмотреть на приезжих, тот сразу увидел знакомые лица: кто-то помахал ему с лошади, еще кто-то – от саней.

– Яримка! – Олег устремился к всаднику. – И ты здесь! Остряга!

Сильно забилося сердце: ближайшие киевские родичи приехали не случайно. Значит, слухи были правдивы.

– Идемте все ко мне! – позвал он. – Много ваших здесь? Мала! Малоня! – Он огляделся, выискивая жену. – Смотри, кто здесь! Это родня моя киевская! Мы их к себе возьмем!

– Ну ты и здоровый вырос... – невольно охнул Ярим, шуплый молодец с хрящеватым носом, и только потом вспомнил, что надо поздороваться: – Будь жив!

Он запомнил Олега отроком, лишь чуть выше него, а теперь перед ним стоял великан с широкими плечами и темной, чуть рыжеватой бородкой, обрамлявшей подбородок, но оставившей пустое место под нижней губой – точно как у его отца, Предслава Святополковича. Разумеется, за шесть лет бывший отрок должен был сильно измениться, но такого удалца кияне увидеть не ожидали. Ярим, старше Олега на год, рядом с ним теперь казался отроком.

Вскоре гости уже топали на рогоже перед дверью, а челядь обметала снег с их одежды и обуви.

Мальфрид ждала в избе, держа перед собой чашу с пивом для приветствия. К приезду гостей она оделась в светло-зеленое платье и зеленый шерстяной хенгерок, отделанный сверху и снизу полосами огненного шелка. Между позолоченными застежками висели два ряда бус – стеклянных, тоже зеленых, и серебряных, покрытых тонкими узорами. На голове ее белело шелковое покрывало с очельем, вышитым золотой нитью. Впервые ей предстояло увидеть кого-то из родичей мужа – людей, что станут ее окружением на всю дальнейшую жизнь.

Вскоре Олег, довольный, оживленный и улыбающийся, уже знакомил ее с прибывшими. Хозяйка по старшинству подавала им чашу; выпив за здоровье хозяев, те снова наливали пива и передавали Олегу и жене, чтобы те выпили за них.

– Здравствуй, князюшка! – наперебой приветствовали Олега сватья, подмигивая: они не стали говорить о главном с порога, но и не пытались сохранить тайну, которая тайной уже не была.

– А ты молодец – княгиней обзавелся, да какой красавицей! – одобрил Честонег, глядя на раздумывающую Мальфрид.

Молодая хозяйка едва находила слова для гостей – помогала только выучка. А сердце билось, едва не выскакивая от волнения. Ей были приятны и похвалы незнакомой родни мужа, и то, что ее уже называли княгиней. Пусть всего лишь дома, почти в шутку, но эта шутка означала, что впереди именно то будущее, которое предвидел ее отец, отдавая дочь за внука Олега киевского.

* * *

Для всех собравшихся новость была объявлена вечером, на пиру.

Городец и посад перед ним были застроены обычными для словенских земель избами, но для дружины и приема гостей еще Тородд конунг выстроил грид: помещение длиной в полсотни шагов, с тремя очагами посередине и помостами вдоль стен, к которым приставлялись столы на козлах. На широких помостах хирдманы днем сидели, а ночью спали, в ларях под ними хранили свои пожитки. Оружие каждый вешал над своим личным местом – сообразно положению в дружине. На стенах висели звериные шкуры, знаменуя успехи хозяев на охоте и заодно уберегая от сквозняков. Между ними красовались старые изрубленные щиты с помятыми умбонами, оставленные на память о победоносных битвах. Длинные копья скрещивались над головой хозяина, придавая ему сходство с самим Одином. Помогали тому и две большие собаки, лежащие у ног.

Олав конунг занимал почетное сидение у длинной стены, по бокам сидели его брат Ветурлиди с сыновьями. Напротив, на втором почетном месте, устроился Олег в окружении киев-

ской родни. В один день все изменилось: из заложника он превратился в ровню хозяина, столь же полноправного правителя державы. К тому же куда более обширной и могущественной.

Любому гостю этого дома сразу стало бы ясно, что хозяин держит в руках торговый путь, соединяющий весьма отдаленные земли. Тех, кто всю жизнь носил только полотно, сотканное руками своих женщин, и ел из глиняной посуды, вылепленной ими же, убранство грида пора- жало: будто на том свете очутился. По здешней посуде так сразу и не скажешь, что она из глины: большие и малые блюда, кувшины и чаши были покрыты многокрасочной глазурью – сине-зеленой, желтой, белой, – расписаны цветными птицами, быками, рыбами, оленями, кры- латыми чудовищами. На столах перед хозяином, его родичами и почетными гостями сверкали кубки из серебра – с чеканкой, с самоцветами. Да и сами люди за столами своими нарядными одеждами напоминали ярких птиц: едва ли не на каждом был кафтан из шерсти, крашенной в яркие цвета, с отделкой из греческого или хвалынского шелка. В этом доме собрались сокро- вища из далеких стран, о каких жители обычных весей и не слышали. Недаром гостям Олава порой казалось, будто, войдя в этот дом, они разом перенеслись за тридевять земель.

Сам Олав конунг выглядел не слишком внушительно: невысокий ростом, хотя жилистый и сильный, с русыми волосами и рыжеватой бородой, он бы потерялся рядом с младшим братом Ветурлиди – крупным, полным, с буйными темными волосами и длинной бородой, – если бы не сидел выше всех. Его неприметная внешность обманывала: это был человек умный, преду- смотрительный, упорный, умеющий во всех случаях защитить свою выгоду. Иной на этом бой- ком, прибыльном, но и опасном месте и не усидел бы; попробуй удержи в руках нити, что опу- тывали десятки словенских и чудских поселений до самого Белоозера.

– Послали нас люди рода полянского, – начал киевский боярин Честонег, после того как хозяин поднял кубок за богов и за здоровье прибывших, – объявить тебе, Улеб, что умер князь наш – Олег Вещий.

Он говорил по-словенски, но Олав, родившийся на Ильмене, разумеется, знал этот язык не хуже северного языка своих предков. И привык к тому, что старинное имя свейских конун- гов – Олав – в устах словен звучит как Улеб.

– Весьма печальная новость, – Олав, уже знавший о важном событии, почтительно наклони- л голову. – Это был достойный человек, мудрый и могучий правитель, прославленный воин. Велика была его удача! Мы выпьем сейчас за то, чтобы в палатах Одина он получил достойное место, а еще за то, чтобы потомки унаследовали удачу этого человека!

Рабы, в основном чудины, побежали вдоль столов, чтобы вновь наполнить кубки гостей. К самым почетным подошли с кувшинами сама Сванхейд, ее дочь и племянницы.

Все посмотрели на Олега-младшего – единственного наследника Олега Вещего, и каж- дый будто спрашивал мысленно: не посрамишь деда? Высокого роста, могучего сложения, с тяжеловатыми, хотя и вполне правильными чертам продолговатого лица, он казался старше своих двадцати лет. Высокий прямоугольный лоб говорил об уме и твердом нраве, но от вол- нения у Олега был сейчас мрачноватый вид. Уж он-то осознавал, какая тяжесть ложится на его плечи и как много от него теперь ждут!

Мальфрид с большим посеребренным рогом в руках подошла и встала возле мужа: то ли готовая услужить ему, то ли показывая, что у него есть все права взрослого женатого мужчины.

– И порешили нарочитые мужи киевские и вся лучшая чадь назвать новым князем нашим Олега, Предславова сына, Олегова внука, – продолжал Честонег. – Такова была воля покойного владыки нашего.

– Рад это слышать! – вслед за всеми Олав снова устремил взгляд на зятя. – Не сомневаюсь, Полянская земля не пожалеет об этом. Но чтобы все было по закону, мы должны услышать от тебя, Эльг, рассказ о твоём роде и предках.

Наследник поднялся, держа в руках рог.

Мальфрид пододвинулась и долила ему пива, чтобы выпить за предков.

– Род моего отца идет из Великой Моравии, – начал Олег. – Пять поколений назад первым ее князем стал Моймир, повелитель моравов, чехов, лужичан, нитран, вислян и иных племен. После него правил племянник его Ростислав, а тот передал власть своему племяннику – Святоплуку. У Святоплука, моего деда по отцу, было трое сыновей, и между ними разделил он свою землю. Мой отец, Предслав, был из троих младшим, он построил город во имя свое – Преслав. Когда же пришли на землю ту бесчисленные угорские орды, в битвах с ними пали двое братьев моего отца, а сам он, еще отрок, с матерью своей, княгиней Святожизной, бежал в Русскую землю, в Киев, и принят был дедом моим, Олегом Вещим, с любовью. Там отдал Олег ему в жены дочь свою Венцеславу. От супружества сего я и родился. Сыновья деда ушли к богам раньше него самого, и другого мужского потомства у него не осталось.

– Хотя ты приходишь от Эльга по женской ветви, однако род твоего отца – княжеский, – будто услышал об этом впервые, Олав учтиво кивнул. – Думаю, никто не станет оспаривать твои права.

Кияне тоже закивали. Долгие войны с хазарами, древлянами, владычество пришельцев Аскольда и Дира почти уничтожили род потомков Кия. За многие годы поляне привыкли, что ими правит князь-воевода, не ведущий свой род от пращуров племени. Но Олег Вещий защитил полян от обид, дал им невиданную прежде силу, и от наследника его требовалось не растерять эти завоевания. А дадут боги удачи – и преумножить.

* * *

Назавтра Олав разослал гонцов по городцам и большим прибрежным селениям – оповестить Приильменье о важном событии. Новому князю следовало ехать в Киев как можно скорее, дабы город не оставался без власти, вводя в соблазн соседей. Пока за делами присматривал Предслав, отец Олега, но сам он правами на киевский стол не обладал, и кияне с нетерпением ждали нового владыку. Посланцы просили Олега собраться поскорее, чтобы захватить санный путь и не застрять посреди дороги, дожидаясь, пока на Днепре пройдет ледоход.

Еще сильнее с отъездом торопилась Мальфрид. Ничего пока не было решено, а она уже заказала кузнецам десяток новых больших ларей, пересмотрела со служанками все запасы полотна, белья, одежды, меха и посуды. Начала раздавать прощальные подарки. Над ней подшучивали – дескать, как нашей Мальфрид не терпится стать княгиней в Киеве! Она натянуто улыбалась и отводила глаза.

Олег и сам стремился скорее на родину, но обнаружилась одна сложность.

– Я весьма рад, что муж моей дочери займет достойное положение, – заметил как-то Олав. – Но, поскольку он покидает мой дом, я хотел бы знать, кто здесь займет его место. Ты – наследник своего деда, а кто будет твоим наследником, князь Олег?

Тот смешался: у него не было ответа на этот вопрос.

– По справедливости, я должен был бы попросить у тебя даже двоих, – продолжал Олав, – ведь кроме моего сына Ингвара, который и так уже в Киеве, с тобой уедет туда и моя дочь. Не сомневаюсь, что мир и родственная любовь не покинут нас, но уговор надо соблюдать.

– Я и не думал отказываться от уговора, – заговорил Олег. – Просто не знаю, как быть: ты ведь знаешь, у меня пока нет сыновей. И братьев нет, есть только сестра, но она уже замужем. Вот ее муж: Острогляд, Боживеков сын! – он указал на одного из киян.

Острогляд, еще молодой, но зрелый муж, был весьма красив – с округлым белым лицом, русой бородкой и задорными кудрями. Он неизменно улыбался, был щеголеват и речист. На вечерние пиры в Олавов грид он являлся в кафтане желтой шерсти, с отделкой зеленым шелком с золотыми узорными кругами, с полосами серебряной тесьмы на груди.

– Но теперь моя сестра принадлежит к его роду, и едва ли муж позволит... – продолжал Олег.

Острогляд ухмыльнулся и замотал головой:

– Так у нас, князюшка, не водится. Я Ростиславу свет Предславу не силой брал, не неволю, не уводом увел, не угоном угнал, не украдом украл! Бил челом – кланялся батюшке, бил челом – кланялся матушке. Износил кафтан шелку греческого, истаскал кушак шелку хвалынского, все Ростиславы свет Предславы добиваючись!

Олав улыбнулся его красноречию и не стал спорить: выкупленная по обычаю жена прежнему роду больше не принадлежала.

– Так может, твое место здесь займет кто-то из твоих родичей? – брат Олава, Ветурлиди, вопросительно посмотрел на киян.

Те озадаченно переглянулись.

– Каково родство между вами? – продолжал толстяк. – Кто из них будет считаться твоим наследником, пока боги не пошлют тебе сыновей?

Олег покачал головой: Честонег с потомками и Острогляда связывало с ним всего лишь свойство.

– Боярин Честонег – пасынок моей бабки, княгини Святожизны. Когда она бежала в Киев от угров, ее сын был еще отроком, а она сама – зрелой женщиной, но вовсе не старухой. К ней посватался боярин Избыгнев, вдовец. У него уже было четверо сыновей. Честонег из них старший, а эти молодцы – его братаничи. Общих детей у них не было.

– Выходит, эти мужи не в родстве ни с Эльгом, ни с твоим отцом? – уточнил Олав.

– Кровного родства меж нами нет.

Олав нахмурился. Договор должен соблюдаться, но и сам он не знал, как это устроить.

– Постойте! – поднял руку Ветурлиди. – А как же братья Эльга – те, которые в Плескове? Вальгард, я слышал, женат на дочери самого Судогостя плесковского женат. Пока у тебя сыновей нет, братья твоего деда их заменят.

Олег с сомнением покачал головой:

– Не в моей власти приказывать братьям деда. В Плескове свой князь, и едва ли он захочет лишиться воевод. Сами они едва ли пожелают сменить собственные дома на чужие, а место вождя дружины – на скамью для гостей-заложников.

– Это я понимаю! – засмеялся Ветурлиди. – Я очень ценю и почитаю моего брата Олава, но не хотел бы ради него ехать заложником в Плесков!

– Однако послать туда кого-то из сыновей я мог бы тебя уговорить! – Олав с усмешкой окинул взглядом поросль племянников: шестерых парней в возрасте от тринадцати до двадцати лет. – Особенно если им пообещают подобрать там высокородную жену. Надеюсь, у братьев Эльга найдется сын, который приедет сюда, к нам, раз уж наш Ингвар живет в Киеве.

– А если бы у них еще нашлась дочь, подходящая в жены, скажем, моим Фасти или Сиграду, – оживленно подхватил Ветурлиди, глянув на двоих старших сыновей, – это было бы хорошо и справедливо: ведь ты, Олав, отсылаешь туда же, в Киев, и Мальфрид!

– Лучше и не придумать, – заключил Олав. – Пожалуй, давайте-ка пошлем поскорее в Плесков и пригласим твоих родичей. Что скажешь, Олег?

– Конечно, послать к ним необходимо... – начал было тот.

– Однако не слишком ли много времени мы потеряем? – с тревогой встала Мальфрид. – Если нам придется ждать до лета, чтобы попасть в Киев, это может вызвать там смуты, разве нет?

– Откладывать не стоит, – поддержал ее киянин Стемид. – Лучше сделать вот как: послать в Плесков – да и пускаться в дорогу! На пути встретимся: пусть Олеговы родичи приедут... да хоть в Будгощ, там мы с ними и потолкуем. Поезжай, Олав, с нами, или вон брата пошли. Там и решим, кому у тебя жить.

– Мы еще поговорим об этом на днях, – помолчав, сказал Олав.

Мысль отпустить своих заложников, не получив других взамен, не слишком нравилась ему, но он не видел, как этого избежать, не проявляя неразумного упрямства. Не может ведь Олег-младший наскоро слепить пару сыновей из глины, чтобы оказать уважение тестю!

* * *

Первыми уехали гонцы. После этого немало тягостных дней прошло в бездействии. Но вот Ветурлиди прислал долгожданную весть: плесковские родичи Олега прибыли в Будгощ, что близ устья Шелони, на юго-западном берегу Ильмень-озера. Теперь и сам будущий киевский князь мог пускаться в дорогу.

Олав принес жертвы ради благополучного путешествия дочери и зятя, а также их успешного вокняжения. На прощальный пир съехались старейшины со всех окрестных городцов. Олегу и Мальфрид это напомнило их свадьбу два года назад: тогда они вот так же сидели на почетных местах, одетые в лучшее цветное платье, оба бледные и напряженные, с нетерпением ждущие, когда же это все закончится. Оба ничего не ели и не пили – тоже как на свадьбе. Затянувшееся прощание и неопределенность будущего вымотали их, не оставив сил на радость.

В рассветных сумерках холодного зимнего дня будущие князь и княгиня Русской земли сели в сани – в простых овчинных кожухах, как их дружина и челядь. От прочих мужчин Олега отличала лишь кунья шапка, покрытая красным шелком. Мальфрид закуталась поверх кожуха и головного платка в другой большой платок из толстой шерсти: он укрывал ее до колен, точно плащ.

Этим утром она поднялась раньше всех в городце, сама разбудила служанок, сама распорядилась приготовлениями утренней каши. Возчиков, челядь, дружину и киян накормили до отвала. Правда, Олег в лихорадочном предвкушении начала новой жизни съел через силу лишь пару ложек, да и сама Мальфрид поковырялась для вида в овсянке с просыпанным маслом, а потом отложила ложку, делая вид, что ей нужно еще о чем-то похлопотать.

С матерью и прочими женщинами Мальфрид простилась накануне вечером и попросила их утром не выходить к отъезду. Госпожа Сванхейд согласилась: понимала, что дочери трудно будет сохранить невозмутимость. Ведь она отрывалась от родной семьи, навсегда отбывала в чужие края, где еще неизвестно, что ждет – почет или гибель. Владыка Хольмгарда тоже произнес последние напутствия еще вчера, поэтому остался в спальном чулане.

Отъезд прошел так же буднично, как отправление торгового обоза. И теперь Олег-младший мог наконец вздохнуть с облегчением. Юность его осталась за спиной, впереди ждала новая жизнь. Правда, при первых проблесках зимнего рассвета увидеть можно было немного: лишь укатанные колеи на льду Волхова в бурых пятнах навоза, заснеженные берега, хранимые, будто стражами, старыми развесистыми ивами по колено в сугробах.

А большую часть зримого мира занимало огромное темное небо. При взгляде на него Олегу вспомнился череп древнего великана Имира, из которого сотворен небесный свод. Таким он и был: плотным, исполинским и непробиваемым.

Как его будущее...

Но если бы дед, Олег-старший, лишь пялился на небо, высматривая благоприятные знамения, он так и окончил бы жизнь на островке близ Ютландии, где дотлевала одна из ветвей древнего рода Скъельдунгов.

Олег Предславич махнул рукой. «Трогай!» – пролетел крик вдоль вереницы саней, передаваемый от одного к другому, и обоз двинулся с места.

Скрипел снег под полозьями, бодро шагали возчики в набитых соломой поршнях поверх черевьев. Мальфрид, по самые глаза укутанная в платок, сидела, привалившись к новому сундуку: от него еще пахло березовым дегтем и каленым железом. В полутьме, если не приглядываться, ее саму можно было принять за большой тюк.

Опустив веки, она переводила дух. Первый шаг сделан: она выскользнула из родительского дома, не дав никому ничего заподозрить. Удачно получилось: в эти дни все смотрели больше на Олега, чем на нее, а он тоже был бледен, беспокоен и мало ел. Никому не пришло в голову удивляться, отчего она, его жена, сама не своя.

Пока обошлось. Правда, дело не кончено. Им еще придется задержаться в Будгоще, а там с ними будет дядя Ветурлиди: Олав поручил ему переговоры с плесковской родней. Но Ветурлиди – это не мать, по части женских дел ему далеко до наблюдательной Сванхейд. Там у него найдутся другие заботы. Она сможет засесть в женских покоях и притвориться, будто простыла в дороге. С кем не бывает?

Закружилась голова, и Мальфрид стиснула зубы, стараясь дышать глубоко и ровно. Сглотнула. Это просто от волнения, сейчас пройдет.

Тяжело ей придется зимой в долгой дороге! Но Мальфрид была полна решимости вытерпеть что угодно – лишь бы никто не заподозрил, какую огромную ценность она увозит с собой.

* * *

Ехали вдоль западного берега, в полдень остановились на отдых в Варяжске, потом тронулись дальше, прихватив Ветурлиди с двумя сыновьями.

К вечеру обоз вступил во владения рода Будогостичей: они правили в низовьях Шелони как здешний старший род. Платили дань Олаву, а сами собирали подать «на богов», как это называлось, то есть на содержание родового святилища. Земли в устье Шелони, удобные для пахарей, считались наилучшими во всем южном Приильменье. Будогостичи были старейшины древнего словенского корня – старая чадь. Они вели свой род от основателей поселения, от того Будогостя Старого, чьи потомки за триста лет расселились по округе и теперь обитали в трех десятках весей. Над белой равниной, пока еще не стемнело, тут и там можно было видеть дымки.

По плотно укатанной дороге обоз подтянулся к раскрытым воротам. Еще прадедами нынешних хозяев Будгощ был хорошо укреплен: поверх высокого вала шла стена из уложенных вдоль земли бревен, которые крепились к вкопанным стоякам. Высотой стена была в два-три человеческих роста. С внутренней стороны ее подпирали срубы, служившие и жильем, и хлевами, и клетями для припасов, а поверх них имелся боевой ход.

Сейчас вокруг площадки в середине городца толпился народ: и местные жители, и приезжие. У дверей общины горел костер. Туда и направился, выйдя из саней, Олег со своей киевской родней.

– Будь жив, князь молодой! – слегка насмешливо, но приветливо произнес князь Житинег, мужчина средних лет, с золотисто-рыжей бородкой, говорливый, резкий в движениях. – Прибыли! К нашим чурам! А тут и родня твоя плесковская дожидается! На два дня вас опередили!

С Житинегом Олег был уже знаком, а вот к плесковичам подошел не без волнения.

Среди людей у костра выделялись двое – и сразу было видно, что братья. При первом взгляде на них у Олега так и встал перед глазами покойный дед, будто выглянул из отроческих воспоминаний. Эти двое, сводные младшие братья Эльга Вещего, были моложе его лет на двадцать, но семейное сходство отчетливо проступало в продолговатых лицах с высокими и широкими лбами, в прямых носах, а главное – в очерке глаз и светлых бровей. Оба выглядели людьми уверенными, но добродушными.

– Будь жив, внучок! – смеясь, воскликнул тот, что казался постарше – Вальгард. Он говорил по-словенски, не будучи уверен, что родич поймет северную речь. – Сколько лет жил на Волхове – повидаться не собрался, а как в даль далекую ехать, так познакомиться решил!

– Простите, родичи! – Олег с почтением поклонился, потом дал Вальгарду себя обнять. – Но вы к нам жаловать не изволили, а я был в себе не волен...

– Это верно: в тальбу не для того берут, чтобы по гостям разъезжали! На блины, как славяне говорят! – согласился Вальгард. – Но ты ведь не для блинов нас позвал?

– Вальгард, погоди! – второй брат, Торлейв, прикоснулся к рукаву его мехового кожуха, потом тоже обнял Олега. – Разогнался! Мы же не будем обсуждать такие дела на морозе, дай ему хоть отогреться и пива глотнуть! А ты, Олег, лучше покажи нам твою жену молодую. Она ведь старшая дочь Олава, правда?

Олег повел их к саням, где женщины уже помогли Мальфрид выбраться из-под шкур и собирались отвести к себе – отогреть и кормить.

Затеялись обычные разговоры: про дорогу, холод, баню, красоту молодой... Потом родичи Житинега повели прибывших под крышу – кого куда. Разговоры о делах отложили до завтра.

Несмотря на усталость, Олег долго не мог заснуть. Беглое знакомство с братьями деда оставило впечатление, будто ему показали франкский клинок, завернутый в светлый шелк. Даже эта краткая беседа перед санями дала ему понять: добиться чего-то, что нужно только ему, от этих людей будет совсем нелегко! Не выглядели они людьми, готовыми идти навстречу чьим-то чужим выгодам и вопреки своим собственным.

Наутро все собрались в общине: Олег с киевской родней, оба брата покойного Эльга, Ветурлиди с сыновьями, князь Житинег со старшими родичами. Покончив с кашей, приступили к делу. Хозяйка с дочерью тихонько стояли у конца стола, высматривая, не надо ли еще чего подать. Мальфрид не показывалась.

– Я слышал о вашем уговоре насчет обмена наследниками, – начал Вальгард. – Вы ведь ради этого нас позвали сюда?

Когда он снял шапку, оказалось, что его блекло-светлые волосы, гладко зачесанные назад и заплетенные в косу, достигают пояса. Рыжевато-золотистая борода на щеках была опрятно подстрижена, за исключением двух длинных прядей по сторонам подбородка: они тоже были заплетены в косички, достающие до середины груди, с бронзовыми пронизками-пружинками на концах. На руках его блестели широкие серебряные браслеты и перстни, кафтан с отделкой голубого шелка подчеркивал голубизну глаз.

Взгляд этих глаз был прохладен.

– Мы знавали Рагнара, твоего дядю, а нашего племянника. Жаль, что он так рано умер, но все в руках судьбы. Трех старших уже в живых не было, когда мы с Торлейвом прибыли в Гарды. Рагнара-то мы как раз тут застали, он тогда у Олава жил. Впрочем, для тебя-то дело обернулось неплохо. И кого Олав отослал в Киев?

– Там живет мой племянник Ингвар, старший сын Олава, – ответил Ветурлиди. – Отправился туда совсем ребенком. А ныне, чтобы уговор выполнялся, со стороны вашего рода требуется не менее весомый залог. Все было бы просто, если бы у нашего Олега уже был сын или хотя бы дочь. Но он сам еще так молод и так недавно женат, что придется искать заложника среди другой его родни.

– Если ты намекаешь на меня, то напрасно! – Вальгард усмехнулся, всем своим видом показывая, что мысль эта нелепа.

– Но ведь после Эльга именно ты – старший в вашем роду! – возразил Ветурлиди. – И пока у Олега нет младших родичей, он может ждать поддержки только от вас.

Вальгард слегка двинул бровями. Этот человек был упрям, умен, всегда знал, чего хочет, но имел привычку иногда прикидываться простаком. Не желая продолжать разговор, он делал глупое лицо, будто ничего не понимает и нет смысла тратить время на объяснения с таким дурнем. Однако еще никто – ни ютландский конунг Горм, ни плесковский князь Судогость,

ни даже сам старший брат Олег не сумел склонить этого мнимого простака к тому, чего ему самому бы не хотелось.

– Пусть так вышло, что сейчас именно я – старший и ближайший родич Олега, – неторопливо продолжал Вальгард. – Но, если что, я мог бы предъявить права лишь на его личное имущество. Скажем, вот на этот красивый кафтан, но не пояс, ибо пояс – уже знак власти. Соваться в Киев и чего-то требовать было бы для нас с Торлейвом смешно. Наш брат Эльг захватил эту добычу без нашей помощи, и мы не настолько бессовестны, чтобы требовать доли. Так что, Ветурлиди, пойми: я родственник молодого Эльга, но не наследник его владетельных прав. И хотя мы с братом готовы оказать ему помощь и поддержку, какую разумно от нас ждать... как заложники мы или наши дети для Олава не годимся.

– Мой брат Олав поручил мне заверить вас: вы очень даже годитесь!

Прохладный взгляд голубых глаз Вальгарда сошелся с настойчивым взглядом Ветурлиди. Тот был полноват, но подвижен: длинные темные волосы он носил распущенными, позволяя дочерям заплетать в этой гриве лишь две-три косички по сторонам лица. Со времени отъезда из дома эти косички уже успели свалиться, а расчесать волосы самому ему никогда не приходило в голову. Еще одна косичка красовалась в гуще длинной бороды – на сей раз слева, хотя бывало и справа. Шапку, отороченную дорогим белым мехом северной лисы, он держал на коленях.

– Вы с Олавом – весьма достойные люди и, я не сомневаюсь, гостеприимные! – Вальгард учтиво кивнул. – Вижу, что вы не просто хорошо обращались с нашим молодым родичем, но и стали ему настоящей семьей. Однако у нас с Торлейвом уже есть свои дома и семьи, и нам вовсе не хочется покидать их.

– Уж верно, у вас обоих есть сыновья.

– Это правда.

– И если не ошибаюсь, твоя жена происходит из рода плесковских князей? Стало быть, твои сыновья – родичи будущего князя Плескова? Надо думать, любой из них не откажется пожить у такого богатого и гостеприимного хозяина, как мой брат. К тому же вот еще что: мы дали Олегу превосходную жену, а у моего брата есть еще одна дочь. Она пока молода для брака, но время идет так быстро...

– Мои сыновья еще слишком молоды для брака! – Вальгард ухмыльнулся, не желая прямо сказать, что этим «женихам» всего три и четыре года. – Еще и десяти лет не прошло с тех пор, как я женился на их матери, и поначалу она приносила только дочерей. Не думаю, что моя жена согласится отослать от себя сыновей, что едва научились ходить на собственных ногах.

– Но что же – неужто никак делу не помочь? – вмешался Честонег.

Киевский боярин с самого начала беседы переводил с Ветурлиди на Вальгарда хмурый взгляд. По веселому виду плесковских воевод было ясно: те не так уж близко к сердцу принимают их беду. Младшие братья Эльга много лет прожили слишком далеко от него; они почти не знали ни его полянскую жену, Бранеславу из рода Киевичей, ни их дочь Венцеславу. И сын ее Олег по сути был для них чужим. Ради приличия Вальгард и Торлейв прикидывались, будто сочувствуют его заботам. Но они жили совсем в другом краю, где правил другой княжий род. Отказавшись от прав на все завоевания Вещего, они хотели держаться подальше и от связанных с этим забот.

– Если договор не будет исполнен, что с нашим союзом станется? – Честонег больше не мог молчать. – Порущатся все наши уговоры, будем опять, как в Киевы веки, в бабьей тканине ходить. Как тогда гостям торговым ездить? Или вы во Плескове больше паволок не хотите?

– Вот уж, что правда, то правда! – подхватил Житинег. – Нельзя Поозёрью с Киевом ссориться. Такие богатства через нас движутся! Если какой раздор – торговые гости ходить перестанут, только мы и видали серебро, паволоки да прочее все!

До сих пор словене не вмешивались в попытки варягов договориться между собой. Но теперь хозяин Будгоща тревожно переглянулся с Ратимером, братом Судогостя: тот приехал представлять здесь плесковского князя.

– Верно Житинег говорит! – поддержал его Ратимер. – Нам лишь бы в Киев сидел добрый человек, чтобы свой был. А мы, Олег, тоже тебе друзья! – обратился он к молодому князю. – Судогость, брат мой, мне наказал тебе кланяться. Если ты, как в Киеве сядешь, станешь наши обозы с товарами через свои земли пускать, а там и в греческие земли отсылать со своими вместе, то от уговора такого и тебе, и нам хорошо будет.

– Да и нам не годится в стороне быть! – вклинился Житинег.

До сих пор его товары отправлялись вверх по Ловати в составе обозов из Варяжска, но он никак не хотел упустить случай подружиться с киевским князем напрямуюю.

– Эх, князь молодой, нашли тебе жену, а то я бы из своих дочек тебе любую снарядил! Мои-то какие крепкие да румяные, чисто... репки налитые!

Все засмеялись, напряжение отпустило.

– Получать серебро и паволоки – это всегда приятно, – ответил Вальгард Честонегу. – Но я не стану оплачивать их моими детьми. Они еще слишком малы, чтобы постоять за себя.

– Мой брат Олав отослал в Киев сына, которому было тогда всего четыре года! – напомнил Ветурлиди.

– Олав имеет право распоряжаться своими сыновьями, как ему угодно. И я тоже.

Это была правда: ни Киев, ни Хольмгард, ни даже плесковский князь не имел власти принудить Вальгарда к чему-либо.

– Мы сделали больше, чем требовал уговор! – горячился Ветурлиди, понимая, что все их доводы сводятся к мысли «это нужно нам», и их никак не удастся превратить в «это нужно тебе». – Олав отдал в Киев не только сына, но и старшую дочь – она жена Олега и едет с ним! Если уж ты так сильно не хочешь отпустить к нам своего сына, то мог бы предложить жену для... кого-то из сыновей Олава или моих. Тогда наше положение уравнивается. Обмен невестами – самый древний, достойный, надежный способ союза, освященный богами. Против этого ты не станешь возражать? Можешь кого-то предложить? У тебя есть дочь?

Напав на эту мысль, Ветурлиди оживился и даже немного поерзал крупным телом на скамье. Его двое сыновей, молодые парни, взглянули на Вальгарда с новым любопытством.

– Кажется, – Вальгард будто в задумчивости возвел глаза к балкам закопченной кровли, – у меня их не менее трех... Четыре, если считать падчерицу.

– Они еще не обручены?

– Как будто бы нет? – Вальгард поднял брови и вопросительно взглянул на Торлейва, словно сам не мог уверенно припомнить. – Что скажешь?

Торлейв ухмыльнулся и помотал головой. Он был менее разговорчив, чем брат, но куда охотнее улыбался и вид имел дружелюбный.

– Сколько им лет? – продолжал Ветурлиди.

– Падчерице уже тринадцать. Я не вникаю в эти женские дела, но с прошлой весны она носит одежду взрослой женщины.

– Воислава – невеста, – кивнул Ратимер. – Поневу надела на прошлую Русальную неделю.

– А что скажешь о твоих родных дочерях? – не отставал Ветурлиди. – Ведь твоя падчерица не состоит в кровном родстве с Олегом.

– Моей старшей дочери семь лет. Если я правильно понимаю, ее можно будет считать взрослой лет через шесть-семь. Как пойдет...

Сыновья Ветурлиди приуныли, зато сам он обрадовался:

– Так вот и способ разрешить наше затруднение! Твоя дочь составит отличную пару Ингвару, моему племяннику. Ему сейчас девять лет. Это будет уместный и равный брак: твоя старшая дочь выйдет за старшего сына Олава и со временем станет княгиней в Хольмгарде! Мы

дали вашему роду невесту – мою племянницу Мальфрид, а если вы дадите нам невесту – твою дочь... как ее имя?

– Как будто... Эльга? – Вальгард снова покосился на брата, и тот опять кивнул с ухмылкой.

– Отлично! – Ветурлиди потер пухлые кисти. – Истинно княжеское имя! Оно ведь было дано ей в честь твоего брата?

– Именно так. Мы рассудили, что раз уж моя дочь – внучка плесковского князя, то ей подойдет имя самого знаменитого из наших родичей.

– Если ты согласишься на это обручение, мы, пожалуй, не станем требовать заложника до тех пор, пока у молодого Олега не появится более близкий родич... То есть сын.

– Ну... на это, пожалуй, можно согласиться. А, Тови? – Вальгард помедлил, глядя на брата, потом кивнул. – Думаю, справить свадьбу можно будет лет через семь-восемь. Раньше моя жена едва ли согласится.

– Не лучше ли прямо сейчас, раз уж мы объявим обручение, отослать девочку к будущему мужу? Олег мог бы сразу взять ее с собой, а уж он, ее родственник, хорошо за ней присмотрит. И как удачно, что с ним едет жена!

– Не думаю, что *моя* жена это позволит, – Вальгард покачал головой. – И мой тесть – а с ним надо считаться, ведь он князь. К тому же за семь-восемь лет... Ты понимаешь, я желаю твоему брату Олаву долгой и славной жизни, но он уже немолодой человек, и за восемь лет его сын Ингвар может... получить свое наследство. И зачем девочке ездить через весь свет и обратно, когда можно будет отослать ее прямо в будущий дом? Юный Ингвар в некоей мере и сам подвергается опасности так далеко от родных мест, и он бы не захотел, если бы все это понимал, рисковать своей будущей женой, пока не может ее защитить.

– А твоя падчерица – она не обручена? – вдруг спросил Житинег.

– Еще нет. Вроде бы жена мне ничего такого не говорила.

– У моего старшего сына молодуха нынешней зимой умерла. А и сам он молод еще, чтобы вдовцом век доживать. Нам бы с Судогостем породниться – лучше не бывает. Ратимер, что скажешь?

– Это ты мне задачу задал! – протянул брат плесковского князя. – Это как Судогость посмотрит и старцы наши... Она хоть девка во всем справная... да ведь понева только первый год носит, приданого мало скопила. Ей был еще пару зим поработать... Да к тому ж она – старшая внучка моего брата, а дочерей у него, кроме ее матери, больше нет. Сам понимаешь: первая наша невеста ныне, дорого будет стоить...

– Ну, нам-то с тобой спешить некуда, обо всем успеем потолковать! – ухмыльнулся Житинег.

По лицу Ратимера было заметно, что это сватовство ему нравится, но где же видано, чтобы родичи невесты прямо так сразу соглашались! Приди хоть сам Дажьбог на порог – делу не бывать без рассуждений о том, что «девка молода», «приданое не готово», «дома некому работать» и «наше тесто не приспело».

Вальгард не стремился соблюдать эти сложные обычаи, однако взял день на раздумье. И на завтра дал согласие.

– При свидетельстве всех этих свободных людей я, Вальгард сын Асмунда, обещаю во исполнение договора об обмене заложниками между нашим родом – родом Эльга по прозвищу Вещий, и родом Олава сына Хакона из Хольмгарда, отдать мою дочь Эльгу в жены Ингвару сыну Олава, – произнес воевода на прощальном пиру и, по обычаю плюнув на пол и обтерев уста полотенцем, поцеловал меч. – Призываю богов и предков хранить наш уговор. И вы послухи днесь, – добавил он по-славянски, кивнув здешним старейшинам.

Он плеснул немного пива из посеребренного рога в очаг, отпил сам и передал рог Ветурлиди.

– Послухи мы днесь! – поклонились в ответ словене и плесковичи, а потом Ратимер подтолкнул плечом сидевшего рядом Житинега и усмехнулся:

– Ну, одну девку пропили! Скоро нашей черед!

– Мы еще всех обскачем! – поддержал тот. – Уж мы-то с тобой, сват Ратеня, на свадьбе-то первые спляшем! А эти пока соберутся – сколько воды утечет!

* * *

Больше медлить было нечего, и на следующий же день Олег пустился в путь. Даже такое событие, как обручение в семье, не позволяло особенно задерживаться. Дорога предстояла долгая, а случись оттепель или ранняя весна – придется дожидаться где-нибудь в чужом месте, пока сойдет ледоход.

Жена Житинега усердно старалась получше накормить отъезжающих, но Олегу и Мальфрид так не терпелось ехать, что их миска осталась почти полной. И вот Олег вновь усадил жену в сани, закутал в платок, поцеловал в кончик носа и его тоже прикрыл платком. Молодой князь глядел весело: сложное важное дело оказалось улажено быстро, и он счел это добрым знаком. Огорчало только то, что жена, казалось, не разделяет его радости.

– Малоня, ну, что ты такая квёлая! – ласково упрекнул он ее, усаживаясь в сани рядом и делая знак возчикам трогать. – Вот и поехали! А я уж, знаешь ли, боялся, до весны здесь застрянем, пока будем судить и рядить.

– Ой, нет! – Мальфрид поморщилась. – Только не до весны...

– Что ты куksiшь? – Олег вдруг осознал, что жена уже давно выглядит больной. Не только же из-за беспокойства! – Ты здорова ли? Может, надо было задержаться? Может, тебе каких травок попить? Хоть и спешим, да уж лучше приедем попозже, чем я с хворой женой на руках в зимнюю дорогу пушусь!

– Нет, поедем! – Мальфрид вцепилась рукой в вязаной варежке в его руку. – Непременно поедем. Поскорее!

– Да что с тобой? – Олег повернулся, тревожась уже не на шутку.

Даже в рассветных сумерках было заметно, что Мальфрид бледна и тяжело дышит.

– Я... нет...

Вдруг она скинула с головы большой платок, отвернулась к борту саней, наклонилась, и ее стошнило. На ходу она подхватила горсть снега почище, потом бросила, мокрой варежкой провела по лицу.

– Ты больна! – Олег схватил ее за плечи. – Зачем молчишь? Вернемся в Будгощ, отлежись, там бабы тебя полечат.

– Нет, мы не вернемся... погоди... лежать долго придется... месяца три...

– О боги, да что с тобой такое? – Олег испугался не на шутку, тем более что крепкая здоровьем жена его к такому не приучила.

Отчаянно морщась и ловя воздух открытым ртом, Мальфрид снова перегнулась через край саней и судорожно закашлялась.

Позывы были напрасны: она ведь почти ничего не ела утром. Молодая княгиня опустила голову на мешок, крепко держа Олега за руку, будто заклиная просто ждать, пока она оправится.

– Потому... и молчала... – отдышавшись, с трудом выговорила она. – Нельзя им знать. Отцу... матери... этим всем... и родичам твоим плесковским.

– Почему? – пробормотал озадаченный Олег.

– Понесла я... затяжелела. Второй месяц знаю... скоро третий, но не уверена была... Хотела сказать, а тут... эти приехали. Ведь если... у нас дитя... его и оставят в залог. Это же твой сын! Старший. И пока единственный. А он им всем нужен! Его еще на свете нет, а они уже

слетелись и каркают: нам, нам! Я и думаю: тебя отошлют, меня дома запрут до родов, а потом сына моего отнимут. И останусь я – мать без ребенка, а ты – князь без наследника. А я... нет!

Мальфрид собралась с силами и села прямо. Обеими руками держа руку Олега, устремила ему в лицо решительный взгляд слезящихся глаз.

– Не отдам! Он мой! И он у меня один! Никому не отдам! Увезу, пока не догадались, сама выращу. Хоть до семи лет, пока мать сына растит, он со мной будет! А там... как судьба велит. И решила: начнет меня мутить, молчать буду, терпеть буду, а никому догадаться не дам – ни матери, никому! Хоть умру, а скрою! Но мне и везло покуда – только вот на днях, вчера-позавчера, и впрямь тошнить начало.

– Ох, ты... родная моя... – не зная, что в нем сейчас сильнее, облегчение или потрясение, Олег еще не мог по-настоящему обрадоваться этой весте. – Умирать-то не надо! Нам с тобой теперь только жить!

Утомленная душой и телом, Мальфрид привалилась к его груди и закрыла глаза.

– А они видишь, и без нас справились, – пробормотала она. – Вальгардову дочку к нам привезут за брата Инги выдавать, я за ней пригляжу. И сама нам не чужая, твоя племянница... или кто?

– Она мне... наоборот, двоюродная тетка! – Олег усмехнулся этому родству, которое связывало его с незнакомой семилетней девочкой.

– Вот и хорошо! – для Мальфрид, избежавшей разлуки с неведомым еще родным ребенком, сейчас все было хорошо. – А там и сынок наш подрастет...

* * *

Но сколько Мальфрид ни храбрилась, дух не одолел немощи тела. В Зорин-городце за устьем Ловати она все же слегла. Приступы тошноты повторялись раз по десять в день, не давая подняться.

Здесьняя хозяйка, княгиня Всевида, поила гостью отваром нивяницы и мяты, утром почти силой заставляла есть. У нее уже было трое подрастающих детей – от двух до шести лет, и она хорошо знала, что и как.

– Это у тебя, пожалуй, дочка будет, – приговаривала она, сидя у лежанки, где распростерлась Мальфрид – бледная, с распущенными волосами, не отодвигаясь далеко от края и лохани на полу. – У меня все четыре раза так было. Когда озноб пробирает – это к девочке, мне еще мать говорила, а нас у нее было пять дочерей. А коли в жар и пот бросает – это к мальчику. Еще если меду хочется или морковки сладенькой – это к девочке, а если все мяса или грибов соленых – к мальчику.

– О-о...

От одной мысли о чем-то из перечисленного Мальфрид снова сморщилась и потянулась к лохани.

Через пару недель Мальфрид полегчало: то ли помогли заботы Всевиды, то ли крепкое здоровье молодой. Она перестала извергать все съеденное и объявила, что готова продолжать путь.

Олег не без пользы провел это время в обществе мужа Всевиды, князя Дивислава. Тот был всего на несколько лет его старше, но правил с отрочества и даже расширил доставшиеся по наследству угодья. Он происходил из тех же вождей, что привели сюда будущих словен три века назад, но не пошли на Ильмень-озеро, а осели на Ловати. Все старинные роды, живущие вдоль этой реки до самой Двины и смолянских волоков, признавали его главой над собою. С князьями западных кривичей он породнился, женившись на Всевиде – дочери полоцкого князя. Его дед поставил городец для защиты от набегов варяжских дружин с Ильменя, и потому

владения хольмгардских конунгов не продвинулись дальше на юг. Сам Дивислав, кроме дани со своих подданных, брал десятину с проезжающих через Ловать торговых гостей.

– Вот послушай, я как рассуждаю... – говорил он Олегу, в задумчивости пропуская между пальцами пушистую русую бородку.

Был он довольно хорош собой. Короткий прямой нос придавал мягкости грубоватым внушительным чертам, и портил его только глубокий шрам на лбу, тянувшийся почти до затылка, и видный, будто просека, среди волос: след столкновения с каким-то очередным лиходеем, что пытался не только пройти, не заплатив, но и пожить на счет ловатичей.

– Род жены твоей ведь из Ладоги ведется?

– Так, – Олег кивнул. – Олав рассказывают, будто лет двести назад был в заморских странах такой князь – Харальд по прозвищу Боезуб. Владел он всеми землями, какие только есть на свете...

– Кроме наших! – ухмыльнувшись чужому бахвальству, вставил Дивислав.

– Не поверишь: будто бы и нашими тоже! – улыбнулся в ответ Олег. – Но, я думаю, это для красного словца прибавляют. И вот жил он столько, сколько не живут – лет сто или полтора. Уже и самому надоело. Тогда велел он всем соседям войско собирать и идти с ним ратиться. Собралось войско великое – столько лодий согнали, что от одного берега моря до другого по ним перейти можно было, будто по суше. Даже боги их варяжские на ту рать явились! Там и погиб князь Харальд, как и хотел, и не к себе домой, а в небесные покои пировать с того поля отправился. И был у него сын по имени Ингвар. Тот после смерти отцовою за море пустился доли искать – и в Ладоге уселся. Там про него тоже много чудного повествуют. Его род в Ладоге лет сто сидел, а потом Тородд, дед моего тестя, от родни подался на юг, Волхов прошел и сел в старом словенском гнезде. И раньше ходили там гости торговые, да было раздоров много: то варяги словен ограбят, то словены варягов побьют. А при Тородде завелся порядок: мирным гостям защита, лиходеям отпор. Тут они и разжились. Через них серебро хазарское с Волги на север идет – чего же не разжиться.

– Теперь вы и с Плесковом родня будете, и с Будгощем. Я слышал, тамошний князь за своего сына высватывает внучку Судогостя плесковского. Боярин рассказывал, – Дивислав кивнул на Честонега. – А я со всеми соседями в родстве: моя мать была из рода смолянских князей, а жена – полоцких. Видишь, какая связка собирается? Если бы мы все, князья, что на реках живем, были бы единым родом – никакие варяги бы... никакие враги бы нам были не страшны! – поправился он, не уверенный, что его собеседника можно исключить из этого полезного, но и опасного племени. – Ты пойми: от руси, конечно, пользы много, но ведь наша эта земля. Пути торговые мы и сами теперь ведаем, и чужим людям платить, чтобы наших же купцов на нашей же земле охраняли, нам без надобности. Мой отец держал воеводу варяжского, а я его отпустил с честью. Сами справляемся. А вы с дедом, хоть родом из руси, правите полянами как князья, вот и думайте, как князья. В нас друзей ищите, в тех, кто на земле сидит крепко. А не в руси, что сегодня здесь, а завтра за Хазарским морем.

– Да... Правду говоришь... – задумчиво согласился Олег.

Уехав из Киева отроком, он слабо представлял себе те далекие земли, которыми ему предстояло править, точнее, не мог уверенно отличить настоящие детские воспоминания от образов, навеянных чужими рассказами. В глубине души он вдруг ощутил зависть к этому человеку – такому уверенному, сидящему возле могил дедов и прадедов, которому никуда не нужно уезжать: ни ребенком, ни взрослым мужем.

О родных краях деда Олег знал лишь по преданиям – найдя новую родину в земле полян, Вещий не особенно любил их вспоминать. Дед пришел когда-то в Гарды, вероятно, намереваясь найти себе место одного из тех дружинных вождей, что сидят на перекрестках торговых путей. Но судьба повела его дальше и сделала полноправным князем. А ему, Олегу-младшему, предстояло утвердиться и укрепить род, дав ему продолжение.

Его дед и станет для будущих далеких потомков тем богоравным предком, в честь которого сооружают святилища, дают названия городам и о подвигах которых рассказывают предания по большим праздникам. Для них, потомков, он сойдет прямо с неба, ступая по облакам и не оставляя следа на земле...

– О чем размышлялся? – зять, Острогляд, подтолкнул его локтем. – Небось, уже семерых сыновей перед собой выстроил и учишь мечом орудовать?

– Вроде того! – Олег потряс головой и с облегчением рассмеялся.

Наконец Мальфрид обрадовала его известием, что готова к дальнейшему пути.

Велев слугам собираться, Олег вышел из городка посмотреть дорогу.

Несколько дней перед этим продолжался снегопад, и теперь вся округа была укрыта сплошным пушистым покрывалом. Сияющая белизна простиралась во все стороны, только вдали нарушаемая черным очерком леса.

Но Олег смотрел на русло Ловати. Его еще не успели разъездить, прочертить санные колеи в желтых и бурых пятнах; на белом одеяле реки под солнечными лучами горели жаркие искры – больно смотреть.

Путь Серебра звал его, своего нового хозяина.

Глава 2

Вояна всегда предводительствовала над всеми нами. Братья находились под ее началом до семи лет, после чего переходили на руки мужчинам; мы же, девочки, должны были оставаться в ее власти до тех пор, пока нас не разлучит замужество.

Об этом – далеко ли нас увезут к мужьям? – мы не могли не думать, хотя не любили говорить. Чем знатнее невеста, тем меньше у нее надежды остаться вблизи родительской семьи, и нас с ранних лет приучали к мысли, что замужество неизбежно разлучит нас с родными и обречет на жизнь среди чужих.

Моя мать сказала однажды, трепля меня по затылку: «Хорошо, хоть ты у меня не княжья внучка!» Она намекала на Эльгу: будучи дочерью плесковской княжны, та почти наверняка должна была выйти за какого-нибудь князя. Мысль об этом запала в наши головы так рано, что мы совершенно сжились с ней. Но знатную невесту должны сопровождать родственницы, и мы с Эльгой всегда знали: когда она поедет выходить замуж, то возьмет меня с собой. А там, среди родни и дружины ее мужа, наверняка найдется кто-нибудь для меня, и так мы с ней сможем не разлучаться всю жизнь.

Первой, как старшей, идти замуж предстояло Вояне. Но вот наши отцы вернулись из Будгоща, куда ездили знакомиться с родичем, будущим киевским князем, и принесли важнейшую новость: Эльга теперь обручена.

Правду сказать, мы несколько не удивились. С прошлой зимы мы обе учились прясть. Для того же дела к нам, на «малую беседу», ходили по вечерам все девочки, еще не надевшие поневу, начиная от шестилетних. Взрослые девки собирались на свои отдельные «большие» супрядки, и к ним туда приходили парни. Наши матери давно запрятали в свои укладки по первой ниточке, спряденной каждой из нас: неказистые, они, однако, должны были остаться нашими оберегами в будущем замужестве и на всю дальнейшую жизнь. Моя мать свою первую ниточку так и носила на шее в мешочке с каким-то особым корешком, который ей дала ее собственная мать.

С этой зимы Вояна обучала нас делать тканцы¹ на дощечках, заправленных пока лишь в две дырочки, и на бердышке – без узоров, гладкие, в простую полоску. Мы уже соткали себе по мутовозу – тесемке, которой кудель привязывают к лопаске прялки.

Словом, по нашему мнению, мы уже вполне годились если не в жены, то в невесты. Конечно, до свадьбы мы сначала должны были надеть поневу и походить на «взрослые» супрядки, но ведь и замуж нам еще не завтра! Это простых девок, бывает, уводят прямо с купальских игрищ, если окажется, что в роду жениха некому жать или сгребать сено. Судьбу знатных невест решают заблаговременно, и почти все они оказываются обрученными, едва им впервые заплетут косу. Чем дольше обручение – тем почетнее брак.

Мы с Эльгой приняли новость как должное. Эльга лишь уточнила:

– А он, этот Ингвар, будет князем?

– Будет, когда умрет его отец, – пояснила ей ее мать, Домаша. – Станет править в Холм-граде.

– А там у него большие владения?

– Его род сидит на Волхове близ Ильмень-озера и собирает дань со словен и чуди окрестной. С гостей торговых подать берет, сами купцов рассылают к и хазарам, и к грекам, и к свеям. Они богаты очень.

¹ Тканец – тканая тесьма, изготавливается на примитивных ткацких приспособлениях, на дощечках или бердышке.

– Их пращур – Харальд Боезуб! – вставил мой брат Аська, с лихим видом опираясь о свой деревянный меч, который везде таскал с собой. – Он целых сто лет прожил и с самим Одином вышел в поле сражаться!

И воинственно взмахнул своим оружием.

– Не сто, а сто пятьдесят! Ута, правда же? – Эльга взглянула на меня. – Я помню, отец рассказывал про Харальда. Но у него под рукой было столько разных земель... Нет, молчи, я сама помню: он владел Данией, Вестфольдом на Северном Пути, и Сконе, Нор...там-бер-ландией, и Эстландией, и Зеландией... и еще другими. Если Ингвар от него происходит, почему он не князь во всех тех странах?

– Потому что там свои князья сидят! – засмеялась Домаша. – Это же так... басни одни.

– Нет, это правда! – горячо воскликнула Эльга. – Если его деды половиной всего света владели, он тоже должен половиной света владеть! Иначе он просто дурак и растяпа, мне такого в мужья не надо! Встречу его, так и скажу: он должен собрать войско и захватить все земли, где были князьями его деды! И пока не захватит, пусть даже не думает, что я за него пойду!

– Хорошо! – Домаша погладила ее по голове. – Когда придет пора, поедешь к нему в Холм-град и все это скажешь. Но ты понимаешь, когда он захватит весь белый свет, ему же понадобится жена, чтобы умела шить, и прясть, и ткань, и узоры брать лучше всех на свете! Так что подите-ка к Вояне, она себе пояса тклет, и вы рядом садитесь.

– Пойдем! – Эльга, признав справедливость этого довода, тут же вскочила и схватила меня за рукав.

И мы пошли к Вояне.

Она сидела в избе-беседе, где стоял ткацкий стан: его собирали здесь каждую зиму. По вечерам, когда начинались настоящие супрядки, нас сюда не допускали, но Домаша разрешала нам заходить, когда хотела, чтобы Вояна нас чему-нибудь поучила.

Сегодня для Вояны выпал особенный день. Вместе с нашими отцами приехал Житинег из Шелонь-городца со своим сыном Видятой, и за него Вояну сватали. Поломавшись ради обычая, Судогость дал согласие, а значит, согласилась и Домаша. Дядя Вальгард только двинул бровями: когда он женился на молодой вдове, Судогость поставил условие, что право выдавать замуж внучку Воиславу останется за ним. И это было чуть ли не единственное условие, которое он сумел поставить: в то время без помощи наших отцов с их дружиной князь не уберег бы ни своей город, ни семью, ни, пожалуй, голову.

Сколько ни ждешь своей судьбы, а она всегда приходит неожиданно. Вояна, взбудораженная и потрясенная, дрожащими руками расправляла нити для заправки бердышка. Причитать еще не пришла пора, но ей позволили в оконце глянуть на жениха, пока он проходил мимо, и первая встреча так ее потрясла, что к более сложной работе она сейчас была неспособна. Однако и сидеть без дела не могла. До свадьбы оставался год, а то и два, однако казалось, они пролетят мгновенно, а у нее ничего не готово!

– Ох, да не кручинься! – успокаивала Домаша старшую дочь. – Не бывать свадьбе, пока не запасешь всего полные укладки: сорочек, рукавиц, поясов, рушников, постельников, настилальников, семь понев, и вершников, и завесок, и убрисов! Все у тебя будет!

И Вояне хотелось, чтобы все это появилось как можно быстрее! О том и поют на «взрослых» супрядках девушки-невесты:

Сестрицы мои, подруженьки!
Как же мне быти,
Как же мне быти, чем свекра дарити?
Подарю я свекра шитою рубашкой,
Шитою,
Белою,

Тонкою льняною!

Когда мы вошли, Вояна вскинула глаза, будто от каждого ожидала новостей. Мы с Эльгой тоже видели ее жениха, и нам он не слишком-то глянулся: рослый молодец, худощавый, с выступающим длинным носом и глазами цвета желудя. Ему тогда было восемнадцать, но нам он показался староват – не только для нас, но и для Вояны. Не хуже других, но и позавидовать нечему. Так рассуждали мы в семь лет, когда будущий муж представляется красным солнышком, наряженным в шелковый кафтан.

Однако старики – Судогость и его княгиня – женихом остались довольны. Он был старшим сыном будгощского князя, а значит, под стать старшей невесте нашего рода.

Весь прошлый вечер мы корпели над заправкой бердышка нитями трех цветов, чтобы сделать узорные пояски. Их нужно заправлять в известном порядке, по счету: две желтых, зеленая, желтая, зеленая... В щели – еще куда ни шло, но засунуть нитку в дырочку нашим детским пальчикам было не так легко. «Ужо я вас!» – угрожающе бормотала Эльга, склоняясь над бердышком и в третий раз облизывая лохматый кончик нити. Нас утешало то, что это самая трудная часть работы, потом думать не нужно: знай, просовывай челнок туда-сюда и меняй зев, а узор будет получаться сам собой.

У меня поясок был из нитей желтого, бледно-зеленого и бурого цвета: четырнадцать, двенадцать и одна. Летом мы с матерью и Эльгой красили белую пряденую шерсть крушиной, толокнянкой и дубовой корой с ржавиной – водой, настоянной на разных мелких железных обрубках из Радульвовой кузни. Радульва мы любили: закопченный и страшный, с черными руками, он был добрым человеком и охотно разрешал нам набрать всяких кусочков, хотя мог бы вновь пустить их в дело.

У Эльги заправка была еще лучше моей: из белой шерсти, бруснично-красной и синей. Это две Домаша красила дорогой привозной краской – соткала себе большой платок на голову, а остаточки отдала дочери. Прочие сестры уже заранее завидовали Эльге, которая будет носить такую красоту.

В беседе обнаружилась старая княгиня Годонегга, бабка Вояны и Эльги.

Она сидела напротив старшей внучки и смотрела на нее, подпирая подбородок, будто пригорюнясь, но морщинистое лицо ее было радостным. Услышав, с чем приехал зять, князь и княгиня явились к нам в Варягино, хотя обычно это дядя Вальгард ездил к ним.

– Авось доживу я, старая, до твоей свадьбы, а там и помирать пора, – говорила бабка. – Успею, дадут боги веку, тебя в мужний дом снарядить, а сама к дедам отправлюсь.

И взгляд ее светлых глаз был при этом таким отрешенным, что нас пробрало морозом.

Мы не сомневались, что княгиня Годонегга – для нас баба Годоня – и правда знает дорогу «к дедам», то есть к предкам своего рода. Вот так однажды утречком выйдет за ворота, в платочке, с палочкой и котомочкой, и пойдет туда, где они живут с тех пор, как умерли... Сперва по земле, потом – по небу...

– Вас уже не успею проводить... – она посмотрела на нас с Эльгой (мы поспешно поклонились) и покачала головой. – А жаль! Вас отцы-то как еще снарядят замуж...

Она помрачнела, свет ее лица угас, сменился тенью недовольства.

Мы мало что об этом знали и еще меньше понимали, но улавливали из обрывков разговоров, что у взрослых нет согласия насчет нашего воспитания и подготовки к замужеству. Что мы должны учиться прясть и всему прочему – это само собой. Расхождения касались чего-то загадочного, что имело отношение к лесу.

Однажды мы услышали, как кто-то произнес странные слова «медвежья свадьба». Эльгин отец тогда вскипел, что для него было редкостью, злобно выругался и сказал, что придушит каждого, кто еще хоть раз заговорит об этом. Нас это успокоило: мы выросли на страшных сказках о медведе – лесном хозяине, хотелось держаться от этого подальше.

Вояны споры не касались: как воспитывать ее, решал князь. Обсуждали только нас с Эльгой и еще Володейку с Беряшей. Но их срок должен был наступить на три-четыре года позже, а вот с нами уже подходила пора что-то решать.

Наши отцы не хотели пускать нас в страшный лес, и это радовало. Но было и смутное впечатление, что этот пугающий поход – немалая честь, что в него снаряжают только лучших дочерей самых знатных старинных родов. Тех, что происходят от пращуров племени и сами в будущем станут владычицами и жрицами.

Эта честь была опасна, но уклониться от зова предков – стыдно. Однако мы были слишком малы, чтобы во всем разобраться и решить, как для нас лучше. Да и зачем: мы знали, что решать будут другие.

– А вы сами-то что скажете? – неожиданно обратилась к нам баба Годоня. – Неужто заботитесь в лес идти, медведю кашу варить? Или варяжское ваше племя гораздо только на пирах смелостью своей похвалиться, а как до дела – так в кусты?

– Медведю... кашу?

От изумления мы даже выпустили нитки и повернулись к ней.

– Вот слушайте, расскажу я вам баснь одну. Да и посмотрю, внучки вы князей Судиславичей или так, мокрицы варяжские!

Внучкой плесковских князей из нас двух была только Эльга, и к нашим семи годам мы уже прочно усвоили: это различие неминуемо скажется на наших судьбах. Однако мы привыкли с рождения быть всегда вместе: матери зачастую укладывали нас в одну колыбель и смотрели за нами и кормили обеих по очереди. И вся усадьба привыкла видеть нас вместе, поэтому о нас часто говорили так, будто мы «двойки», то есть близнецы.

– Жили-были старик со старухой, и была у них дочка Нежанка... – начала бабка.

В ее баснях девочка или девка всегда носила имя Нежанка. Позднее я узнала: так звали ее старшую дочку, что умерла, еще не успев надеть поневу.

– И вот пошла она с девками в лес по ягоду: идет, аукает, и кто-то ей из леса все отвечает: «ау!» да «ау!» Так она брела, полное лукошко набрала малины, уже еле ноги волочет. Думает, пора домой собираться. Опять кричит «ау!» – а отзыву нет. Кричала, пока с голоса не спала. Надо, видать, как-то самой пробираться... Идет сквозь малинник, лукошко тащит, тяжело ей: кусты за подол цепляют, рубаху ободрали, ноги поцарапали, косу растрепали. Устала с походу. Вдруг слышит: ломит кто-то ей навстречу. Обрадовалась, кинулась туда, глядь: медведь!

Баба Годоня резко подалась в нашу сторону, выставив руки, будто лапы с когтями; я от неожиданности вскрикнула, захваченная повествованием, а Эльга лишь крепче вцепилась в скамью. Однако она была непривычно бледна. Я хотела придвинуться к ней, но не смогла пошевелиться, будто старая княгиня, ведунья и старшая жрица плесковских кривичей, и впрямь набросила на нас путы колдовства.

– Нежанка так и обмерла... А медведь ей говорит: «Идем со мной, поживи у меня, послужи мне. Коли хорошо послужишь, я тебя потом домой провожу, в белый свет дорогу укажу». Пошли они...

Краем глаза я заметила, что и Вояна оставила работу и сидит неподвижно, прислушиваясь к рассказу. А ведь она должна была уже все это знать. Вспомнились разговоры, что Вояна в свое время ходила на «медвежьих кашах», но мы с Эльгой тогда были совсем дитяти и ничего не поняли. Взрослые дела – такая чащоба непролазная, за всем не уследить!

– Сварила Нежанка кашу, сидит, сама не ест. Вдруг вылезит из-за печки мышка-щурка и говорит: «Дай мне кашки, а я тебе помогу». Дала ей Нежанка кашки...

Мы вспомнили, как на Осенних Дедах наши матери оставляли на столе угощения для невидимых ночных гостей, а потом клали ложку каши в черепок и посылали нас отнести за печку: «для мышки-щурки». В шкурке мышки приходили духи давно умерших прабабок, и считалось большой удачей, если удавалось увидеть какую-то из них возле поминальной каши.

Значит, Нежанке на помощь пришла прабабка, и у нас полегчало на сердце: теперь не пропадет!

– Поел медведь каши и говорит: «Давай со мной в жмурки играть. Не поймаю – твое счастье, а поймаю – съем». Не успела Нежанка испугаться, как мышка на нее платок набросила и в угол толкнула. Она стоит там, ничего не видит, ни жива, ни мертва, а мышка стала по избе бегать. Топочет, попискивает, будто девка. Медведь ловит ее, ловит, а поймать не может, она у него под лапами проскакивает. Ловил медведь, ловил, не поймал, устал – упал прямо посреди избы да и заснул. Тогда мышка с Нежанки платок сдернула, из берлоги ее вывела и дорогу домой показала...

Бабка замолчала, но мы так и сидела застыв, едва смея дышать. Аська хмурился и тайком сжимал рукоять своего деревянного меча – точного подобия отцовского. Ему хорошо, у него хоть такой меч есть. Но почему-то во всех сказках с медведем в лесу встречаются лишь девочки, а у них только ягоды лукошко, да и все...

* * *

В этот вечер все взрослые уехали в Плесков на обручение Вояны: выдавая внучку в другой княжий род, дед Судогость решил провести обряд возле старшего родового очага. Мы, дети, остались под присмотром одной только челяди; нас собрали в избу Вальгарда и уложили здесь. Ночуя вместе, мы с Эльгой всегда долго шептались и смеялись на полотах, пока мать не начинала бранить нас, что не даем спать, и грозила выгнать на мороз. Но в этот раз мы молчали. Баба Годоня неспроста рассказала нам «про медведя», и видения из ее сказки так живо стояли перед глазами, что навевали жуть. Особенно страшной казалась слепота зверя: это означало, что здесь, в земном мире он – пришелец, чужак среди живых. Гость из мира мертвых. Позволь девочка ему поймать себя – он проглотил бы ее и забрал с собой туда, в вечный мрак Кощеева подземья...

– Я все поняла, – вдруг шепнула мне Эльга. – Она нам рассказала, чтобы мы знали, что делать.

– Как это – что делать?

– Ну, как быть, когда пойдем в лес и медведя встретим.

– Мы не пойдем! – я испугалась еще сильнее, подозревая, что она права. – Такого сейчас не бывает! Это в давние времена...

– Для князей бывает и сейчас. Вояна ведь в лес ходила.

– Не может быть!

– Даже два раза. Один раз – после той зимы, когда прясть научилась, а второй – прошлым летом, когда уже поневу надела. Так для княжеской внучки положено, а она ведь такая и есть... И я тоже, – чуть помолчав, добавила Эльга.

Будто пробовала на вкус свою судьбу.

– А я нет... – пробормотала я, не зная еще, обрадоваться или огорчиться.

Радовало, что мне можно в лес не ходить, но я хотела, чтобы у нас с Эльгой всегда все было общее. Я очень любила Эльгу. Пожалуй, в то время я любила ее больше всех на свете, да и потом она делила мое сердце только с моими детьми. Боги не послали мне родных сестер, она была мне ближе всех. Мы с ней даже менялись иногда черевьями или кожухами, как будто были одним человеком в двух телах. Нам это очень нравилось, особенно когда родные матери со спины нас путали – а отцы и подавно. Мы радовались всему, что находили у себя одинакового. Особенно я, потому что уже тогда, в семь лет, Эльга казалась мне лучше всех на белом свете. И в тот темный зимний вечер я мысленно прикинула: готова ли я пойти в лес, если это будет нужно ей? Она и правда может пойти – она же такая смелая! А вот я...

Но ведь если я останусь дома, а она уйдет одна, будет еще хуже. И я поняла, что судьба моя предрешена. Раз она – моя сестра, то и дорога у нас одна.

– Я не боюсь, – Эльга будто угадала мои мысли. – Я все запомнила, что надо делать. Сварить кашу, покормить мышку, потом покормить медведя, а мышка поможет, чтобы он не поймал.

– А вдруг ей каша не понравится?

Приготовление каши в то время было для нас очень сложным делом, и мы управлялись с ним обычно вдвоем. И то, начиная, никогда не были уверены, чем наша стряпня закончится.

– Понравится. В лес ходят летом, а до лета мы еще научимся варить кашу как надо.

– Тогда ладно, – согласилась я.

В те дни зима лишь заворачивала к концу, до лета было еще далеко. Эта отдаленность успокаивала: для семилетнего ребенка прожить полгода почти то же, что проехать через полсвета. И я заснула, а наутро образы бабкиного сказа уже не казались такими яркими и пугающими.

Вскоре начались обряды и всякие забавы в честь наступающей весны, и я уже не боялась ряженого «медведя», которого «ходили будить» в «берлогу», устроенную в овраге. Лелей-Весной тогда нарядили Вояну, и когда «медведь» в косматой шкуре и страшной зубастой личине уносил ее к себе, мы кричали вместе со всеми, но скорее весело, чем испуганно.

Мы ведь знали – ее вот-вот спасут.

* * *

Для будущей свадьбы Вояне требовалась добрая сотня поясков, рукавиц, рушников, чулок – чтобы одарить всю многочисленную родню жениха и гостей. А что гости съедутся со всех берегов Ильмень-озера, было ясно. Поэтому не только она, но и мы все трудились не покладая рук. За остаток зимы и весну мы с Эльгой достигли немалого искусства в изготовлении поясков – они получались уже почти ровные и без пропущенных нитей, – и очень гордились тем, что Вояна десятка два наших изделий сочла годными и спрятала в свои свадебные укладки. Наши пояски будут дарами для родни ее мужа!

Кроме того, мы научились вязать. Мой отец вырезал нам по игле из коровьей кости; моя вышла короче обычных, но мне нравилась, и мы усердно старались запомнить, как проводить иглу через петлю. Беда была в том, что до завтра мы успевали забыть то, что запомнили сегодня, и Вояне приходилось показывать нам все заново. Но она не роптала: когда мы выучимся, чулки-копытца для ее будущих гостей примутся вязать уже три пары рук!

По паре чулок мы и правда сотворили: мои вышли покороче, у Эльги – подлиннее. А что в них кое-где зияли дыры от пропущенных петель – так ведь самим и носить!

Эта первая вязальная игла и сейчас еще у меня. Страшно подумать, сколько пар чулок и рукавиц она с тех пор связала; от постоянного трения о шерстяную нить она сделалась гладкой и блестящей, как стекло, почти прозрачной. Отца моего давно нет в живых, и я очень дорожу этой иглой.

В конце весны по большой воде ушли два обоза: вниз по реке Великой – в Варяжское море, и вверх – тот, что стремился после долгого путешествия по рекам и озерам попасть на Днепр, а там и в Греческое море.

Увезли они главным образом лен. Мы уже знали, что наш лен – лучший на всем белом свете, потому его и покупают везде: от Северных Стран до Серкланда. В наших краях водилось много сказаний о берегинях-льняницах: дескать, берегут поля, потому и лен у нас так хорош. Сама Леля полила эту землю слезами из голубых своих глаз, когда тосковала по добру молодцу Дажьбогу, и осенила серебреными своими волосами, пока ходила, искала его...

Созрела земляника. С нашими матерями, а то и бабкой Годоней (если в тот день у нее не сильно болела спина) мы ходили по рощам и лугам, собирали травы: красить пряжу и лечить разные хвори. Весь месяц кресень, когда зелия имеют наибольшую силу, мы только этим и занимались. Если баба Годоня в какой-то день не могла идти сама, мы приносили ей ствольник-траву: дома кипятили воду, обливали свежие листья, заворачивали в ветوشку и прикладывали к бабкиной спине – ей становилось легче. А она всякий раз напоминала нам, что ствольник ядовит и чтоб мы с ним не шалили.

После Купалий поспела черника, все дети ходили с черными от ягод ртами и дразнили друг друга страшными синими языками. Мы с Эльгой любили бродить с туесками вокруг сосен, перебираясь от одной кочки к другой с грабилкой в руке. Брат Аська ходил впереди нас и шевелил в черничнике палкой, чтобы выгнать змей, если затаились. Свой деревянный меч он держал в другой руке или вешал на плечо в ременной перевязи, тоже в точности как у отцовых хирдманов. Мы рассказывали друг другу какие-то сказы, сочиняя на ходу, иногда спорили, «как было дальше». Побеждала обычно Эльга: у нее была цепкая память, складная речь, а еще такой уверенный вид, будто она лучше всех всё знает. С ней обычно соглашались не только я, но и Аська.

Вояна в то лето с нами не ходила: она стала достаточно взрослой, чтобы работать на сенокосе. Особенно усердствовать, как простых девок, ее не заставляли, чтобы личико солнцем не пожгло, но появляться на покосе ей было надо, а то слух пойдет, будто невеста никуда не годна.

Однажды мы так увлеклись, что забыли и про чернику.

На днях в веси Видолюбье, что неподалеку от нашего Варягина, случилось дивное дело: баба встретила прямо на дороге перед избами белку. А у бабы умер сын, на днях только схоронили. И вот вдруг сморил ее сон, и приснилось, будто сын ей говорит: «Иду в гости». Она вышла его встречать, глядь – белка: скачет прямо к дому. Не дошла немного и пропала. Потом искали в огороде, все гряды обшарили – не нашли.

Все говорили, это тот покойник и был, но Эльга не верила.

– Не приходят покойники белками! – твердила она. – Птицами ходят, и мышами, и змеями являются, а белками не могут!

– Но белки и в дом к людям не ходят! Как бы она из леса вышла?

– А может... – Эльга огляделась, будто подбирая для белки подходящую причину для такого путешествия, и замолчала.

И в тишине я осознала то же, что и она: мы тут вдвоем. Исчезли куда-то все наши спутники: и Аська, и баба Годоня, и Бобренья, и Пестрянка с Утрянкой. Никого не видно.

– А где все? – спросила я.

Эльга промолчала.

– А куда идти? – опять спросила я.

Привыкнув, что Аська или баба Годоня нас приводят в лес и отводят обратно домой, мы не очень-то примечали, куда идем.

Заболтались и... заблудились?

– Давай покричим, – предложила она.

Мы покричали, но отклика не услышали и скоро умолкли: стоя вдвоем посреди леса, подавать голос страшно. Но как же нас найдут, если мы будем молчать?

Пробрала дрожь: лес вокруг был таким огромным, а мы – такими маленькими...

Солнце спряталось, небо посерело. Мы вдруг озябли: на нас были только сорочки с поясами да белые косынки на головах. Потянуло заплакать, но я сдержалась: уж слишком очевидно было, что пожалеть нас тут некому.

Я посмотрела на Эльгу: она нахмурилась и тоже крепилась. Тогда я сглотнула и постаралась утешиться: нас найдут. Надо подождать, и кто-нибудь появится.

– Кажется, нам... туда, – Эльга показала между двумя кочками, которые мы уже обобрали. – Я знаю! Смотри, где нет черники – значит, мы там проходили. Так мы дорогу и найдем! Я обрадовалась: как она здорово придумала!

Лукошки от усталости казались тяжелыми, но бросить их мы не решились: получится, попусту сходили. И мы потихоньку двинулись через лес, внимательно оглядывая кочки и выбирая те, что были обобраны. Иногда мы расходились, но не далее чем шагов на семь-десять, чтобы не терять друг друга из виду.

– Иди сюда! – позвала меня Эльга. – Куда ты забилась?

– Ты иди сюда! Здесь все обобрано.

– Это здесь все обобрано, нужно сюда!

По привычке уступать я подошла: кустики на кочках перед ней тоже были пусты.

– Это не мы тут ходили, – заметила я. – Это уже давно обобрали.

– Ну, значит, ходил кто-то другой. И он тоже ведь пошел потом домой?

– А может, он живет вовсе не у нас?

– Ну, и что? Найдем хоть какое жилье, а там нас выведут. наших отцов все знают. А еще больше – деда!

Конечно, о княжеских внучках люди бы позаботились и проводили домой, но мы никак не могли решить, в какой стороне нам этих добрых людей искать.

Вдруг что-то зашевелилось в кустах в десятке шагов от нас – такое огромное, что от неожиданности мы вздрогнули и я, кажется, даже взвизгнула. В ужасе мы отшатнулись и прижались к сосне.

Лапы молодых елей раздвинулись, и перед нами очутился... медведь.

При виде огромной туши в бурой шкуре и с оскаленной пастью я пискнула, крепко вцепилась в Эльгу и зажмурилась. Во мне еще живо было младенческое убеждение, что таким способом можно избавиться от любой беды.

Но Эльга оттолкнула меня, схватила с хвои кривой сук и с натугой подняла перед собой.

– А ну, подойди! – воинственно выкрикнула она. – Ужо я тебя!

– Кто тут шумит у меня в лесу? – низким голосом проговорил медведь. – Кто мне спать не дает?

«Почему он спит – ведь сейчас лето?» – мельком подумала я. Именно это удивило меня в тот миг больше всего.

Что медведь ходит на двух ногах и говорит человеческим голосом, было более-менее понятно: ведь во всех сказках медведь и разговаривает, и поет. Мы знали, что медведи вступают в беседы не всегда, но то, что они это могут, не сомневались. Жизнь тогда еще не вполне обозначила для наших семилетних умов границу между тем, что бывает обычно, и тем, чего не бывает почти никогда.

Сейчас-то я уже достаточно стара и мудра, чтобы понимать, как зыбка эта граница на самом деле...

Но тогда мы не сильно удивились, а только испугались. Если медведь все же заговорил с нами, значит, это не простой медведь, а оборотень. Тот, кто живет между белым светом и Навью!

А то, что находится *между*, и пугает сильнее всего.

Эльга от неожиданности даже выронила сук.

– М-мы забл-лудились, – дрожащим голосом, но довольно внятно выговорила она. – М-мы – к-княжи внучки. Не ешь нас, он тебя наградит.

– Меня наградит! – медведь хрипло рассмеялся. – Погляжу я на того, кто меня наградить сумеет!

Мне показалось, что морда у него какая-то странная: оскаленная пасть с желтыми зубами находится слишком высоко и не двигается, а под ней видно что-то похожее на бороду. В этой-

то бороде и шевелился рот, из которого исходил голос. Медведь слегка шепелявил – наверное, клыки мешали.

– Еще кто кого наградит! Это я – хозяин лесной, я сам девок награждаю и счастьем наделяю. Вот такое дело... Которая мне послужит хорошо, ту я самым дорогим подарю: будут у нее рождаться ребята, здоровые, как медвежата! Но это вам пока рано ведать.

– Проводи нас домой! – попросила чуть ожившая Эльга. – А мы тебе... чернику нашу отдадим. Смотри, сколько набрали.

– Ягоды у меня не счесть – скажу слово, она сама будет с куста прыгать да прямо мне в пасть! – медведь опять захохотал. – Вот такое дело... Вам до дому далеко, а я устал. Поведу к себе: отдохнем, а там и видно будет. Ступайте за мной.

Он начал было поворачиваться, но заметил – он этого явно ожидал, – что мы не шевелимся и не торопимся выполнить его приказ. Тогда он резко обернулся снова к нам и рявкнул:

– А не то – съем!

Мы взвизгнули и схватились друг за друга.

Медведь сделал знак высоким посохом, который держал в лапе, и мы побрели. Боялись отвести от него взгляд и потому все время спотыкались.

Лесной властелин шел сбоку и чуть впереди, показывая дорогу, но часто оборачивался и поводил посохом, будто погонял нас. И мы ковыляли за ним – две бедные, дрожащие овечки. Убежать мы не надеялись: он был такой огромный, что, конечно, догнал бы нас в два прыжка и тогда непременно съел бы.

Я заметила, что наш поводырь хромает. И сразу вспомнилась самая страшная сказка бабы Годони: как медведь на липовой ноге пришел к старику со старухой и сожрал их. Они ждали его, затаившись в темноте избы, а он подходил все ближе, липовая нога скрипела все громче... Надо думать, после того случая он особенно зол на людей...

Опять накатила жуть, и я еще крепче вцепилась в руку Эльги. Она тоже была бледна и отчаянно сжимала губы. Глаза ее как-то слишком ярко блестели – уж не от слез ли? Но все же вид у нее был скорее взволнованный и решительный, чем испуганный. И я сказала себе: нельзя бояться, иначе она меня потом засмеет.

В то время Эльга была для меня почти всем моим миром. И даже в тот жуткий час мне было легче от того, что мы вместе: пока она со мной, дела пусть не совсем хороши, но и не совсем плохи.

Потом уже я узнала, что наши отцы все же согласились отправить нас на «медвежьи каши», но поставили условие, что мы с Эльгой пойдем вместе, а значит, не так сильно испугаемся, как поодиночке. Уговорили их наши матери, особенно Домаша. Она тоже проходила «медвежьи каши» перед первым замужеством и уверяла, что без этого и не решилась бы на второй брак – с самим Вальгардом.

– Пойми, для меня жених-варяг был все равно что медведь из лесу! – говорила она. – Но я уже в лесу бывала в лесу, медведя встречала и знала – и с медведем поладить можно. Вот и расхрабрилась. Отец мне сказал тогда: за тебя-де варяг сватается, – а мне и ничего! Варяг так варяг! А кабы не лесная наука, я бы лучше в реку бросилась, чем за тебя пошла! А теперь вот живем хорошо, детей растим.

Вальгард считал, что эти замшелые глупости давно пора выкинуть к лешему, но жена все же уломала его. Убедила, что ничего худого с нами не случится. Зато Эльге, княжьей внучке, будет гораздо больше почета и в девичестве, и в замужестве!

В итоге Вальгард согласился. У кривичей свои обычаи, а девочке столь высокого рода не стоит заранее отрезать путь к вершинам...

И вот мы, держась за руки и волоча лукошки с черникой, пробирались по лесу за хромающим медведем. Шли безо всяких тропинок: то по плечи в болотной траве, то ползком пробираясь под еловыми лапами. Порой перелезали через завалы бурелома – исцарапались, изво-

зились в лесном соре и отчаянно устали. Не раз под ногами хлюпала во мху вода, наши черевы совсем промокли.

Споткнувшись в очередной раз, я отсыпала наземь половину ягоды из своего лукошка – все же легче нести. Я уже выбилась из сил. Казалось, дремучий лес сомкнулся за нами навсегда, отсюда нет пути назад! Никогда мне больше не увидеть наше Варягино и Выбуты на том берегу, и мать, и Вояну, и бабу Годоню, и Аську с Кетькой.

– Ну, что вы еле бредете? – медведь обернулся с недовольным видом. – Люди вы или курицы мокрые? Ноги у вас есть?

И тут мы обе расплакались: сколько мы ни крепились, смертельная усталость, растерянность, испуг взяли свое. Мы просто сели на рыжую хвою с мелкой травкой и разревелись в три ручья, пряча лица на плечах друг у друга.

Это был конец: от изнеможения мы не могли даже шевельнуться.

– Ну, вот еще! – недовольно проворчал медведь и направился к нам.

Мы зарыдали еще пуще, уверенные, что сейчас он возьмет и откусит нам головы. Нам уже было известно, что медведь начинает есть человека с головы.

Как вдруг наш вожатый подхватил меня одной рукой, Эльгу – другой, и закинул себе на плечи, будто мешки! И понес дальше в лес, широко шагая и словно не замечая ноши. От изумления мы даже перестали плакать. Только два лукошка с черникой остались сиротливо стоять под сосной.

Я закрыла глаза. Висеть на плече было неудобно, я шмыгала носом и вытирала его рукавами. Платок уже совсем сбился на шею, растрепанные волосы липли к лицу: никогда в жизни я не чувствовала себя такой несчастной. За что? Я же ничего не сделала! Мы ничего не сделали! Мы слушались, не шалили, ничего не расколотили, вязали чулки и ткали пояса, смотрели за Кетькой... Раньше я верила, что такие беды случаются только с непослушными девочками, и вот... такая несправедливость!

Словом, я была разбита вдребезги и выброшена прочь с белого света...

Но вот медведь остановился и сгрузил нас на мягкий мох. После столь неудобного путешествия это было такое облегчение! Мы торопливо сели и вытерли глаза, пытаюсь понять, куда попали.

Я огляделась, ожидая увидеть вокруг обглоданные кости... и да, я их увидела. Казалось бы, по пути сюда я пережила весь возможный страх – но нет! Теперь волосы у меня зашевелились от ужаса, а к глазам, уже вроде бы иссушенным, прихлынула новая волна слез. Кости были повсюду – валялись кучками на моховой полянке, были свалены, будто хворост, под стенами избенки, до половины ушедшей в землю. Старые, высохшие, выбеленные, они усеивали поляну – ребра, позвонки, длинные трубчатые кости... черепа с оскаленными зубами, обломки рогов... Иные были не так уж стары, и над ними вились мухи.

От ужаса мы заледенели, наши зубы стучали, мы не смогли бы вымолвить ни слова, даже если бы вспомнили хоть одно. Мы были в Нави, и сейчас ее косматый хозяин набросится на нас...

– Ступайте в берлогу! – прорычал медведь, показав нам на вход в избенку. – Ну, шевелитесь, живее! А не то – съем!

Мы уяснили, что если «шевелиться», то «съем» не будет... или будет не сейчас. Встать не вышло – не держали ноги, – и мы на четвереньках поползли к чернеющей дыре, повизгивая, будто щенки, наступая на подолы сорочек, и без того уже изгвазданные.

Избушка была совсем маленькой и низкой: серые бревна, зеленый мох и поросль черники на дерновой крыше. Двери не было вообще: просто черный провал. В этот провал мы скатились по двум-трем земляным ступенькам, а там отползли в угол и замерли, прижавшись друг к другу.

Наверное, сейчас он запрет нас здесь, чтобы съесть, когда проголодается...

Потом стало темно: это медведь заглянул в берлогу, загородив дверной проем.

Мы чуть слышно запищали от страха.

– Топите печь, берите просо, варите кашу, – приказал он. – А я пойду еще в лес, дров принесу. Как вернусь, чтоб все было готово. А не то вас самих съем, уж больно живот подвело! Вот такое дело...

В проем опять пролился дневной свет – медведь отошел.

Мы немного перевели дух: страшная гибель откладывалась.

Варите кашу... Кашу? Медведь ест кашу? Дома мы уже справлялись с этим делом – особенно вдвоем. Но там мы все знали: где что лежит и как за что приниматься. А тут?

– У него должна быть печка... – шепнула Эльга. – Если он велел варить...

– Здесь? – я огляделась. – Какая же тут печка?

– Смотри, вот там, в углу, что-то такое...

Глаза попривыкли к полутьме, и я тоже разглядела в дальнем углу высокую грудку камней.

Опираясь на меня, Эльга встала на ноги; я встала тоже, придерживаясь за стену, хоть и боялась, что из щелей сейчас полезут мокрицы, пауки, а то и что похуже.

Осторожно ступая, мы пересекли избушку. То и дело спотыкались во тьме о мусор на полу – уж не кости ли там других девочек, что попадали сюда раньше нас и не угодили с кашей? В другом конце берлоги и впрямь оказалась печка-каменка, а возле нее – кладка полешек, кучка наколотой лучины и свернутые куски бересты.

– Здесь есть огниво? – Эльга обернулась было ко мне, потом вдруг схватилась за берестяной коробок на поясе: – Так у меня же есть!

Открыв коробок, она вытащила огниво и даже засмеялась от радости. Не так давно его подарил ей отец, и мы чуть не каждый день им любовались. Оно совсем не походило на обычные – полоски железа, согнутые калачом. Это было настоящее сокровище: бронзовая фигурка сидящего мужчины, к его голове склонились две большие птицы, а ниже крепилась полоса железа. Эту чудную вещь дядя Вальгард когда-то купил еще на родине, за морем. Считал, что огниво приносит удачу, ведь на нем изображен сам Один со своими двумя всезнающими воронами. И уж верно, Эльга одарена особой удачей, если ей досталось такое.

– Глупый медведь не догадался отнять у меня Одина! – с торжеством шепнула мне Эльга. – А пока с нами Один и вороны, он нам ничего не сделает!

Тут и меня немного отпустило. Медведь исчез с глаз, ни разу нас не укусил, а Один с воронами был при нас.

И все-таки было страшновато. Справимся ли?

– Разведем огонь, тогда будет лучше видно, – сказала Эльга. – У него должен быть трут, как по-твоему?

Я огляделась: если трут и был, то отыскать его в темноте мы едва ли сумеем. Это не дома, где не глядя протягиваешь руку и находишь любую вещь как раз там, где ей положено быть.

– Ладно, без трута обойдемся! – решила Эльга. – Давай вон мха надергаем, – она кивнула на бревенчатые стены, где из щелей торчали белые пряди долгунца. – Сгодится.

Мы нащипали сухого мха, Эльга достала кремень и стала стучать по нему огнивом: скользящими движениями, будто чиркая, как учили...

Я стояла рядом на коленях, готовясь раздуть искры.

Получилось у нас не сразу: то она стучала, а я раздувала, потом наоборот, потом – опять наоборот...

Дома мы бы уже сдались и позвали кого-нибудь на помощь, но тут звать было некого, а медведь обещал нас съесть, если не справимся. Даже чтобы к нам явилась мышка-щурка, надо сначала приготовить кашу, а для этого нужен огонь!

Наконец боги и чурь над нами сжалились: мох затлел, крошечный лепесток пламени пробежал по подсунутому усику бересты. И вот огонь запылал внутри печи: у нас будто гора

свалилась с плеч. Захотелось заплакать от облегчения, но вместе с тем пришла мысль – это только начало!

Мы принялись топить печку. Дым шел наружу через дверь, и мы кашляли, стараясь от него уклониться.

Кадка с водой нашлась у стены. Нам очень хотелось пить, но мы не решились: ведь это могла оказаться мертвая вода! Из домашней утвари у медведя была только укладка, старая и изъеденная жучком, с большими щелями между досками. В укладке, светя лучинкой, мы нашли два горшка, пару старых облезлых ложек и мешок с просом.

Очень долго мы ждали, пока вода согрется, потом догадались отлить немного: для крупы ведь тоже требуется место!

Вода закипела; мы немного поспорили, сколько нужно крупы на такой горшок, и долго подсыпали «еще чуть-чуть». Дома полагалось класть соль, но мы уже знали: для чуров пищу не солят.

Каша варилась... булькала... Ложкой мы собрали с поверхности жучков, пепел и прочий мелкий сор. Я хотела попробовать, не готово ли, но Эльга мне не разрешила:

– Это же пища мертвых! Хочешь навсегда здесь остаться?

В избушке резко потемнело: это вернулся медведь и загородил дверной проем. Мы опять испугались, хотя за работой, не видя рядом страшного хозяина, прибодрились.

– Ну, что, мыши бесхвостые, готова каша? – прорычал он. – Подавайте, попробую. Ну, если невкусно...

«Съем!» – мысленно продолжили мы.

– Вот такое дело...

Медведь уселся прямо на пол, на кучу шкур, из-под которых торчала сухая трава: видимо, это была его лежанка. Придерживая горшок через драную ветошку, мы поднесли наше угощение. Эльга взяла из укладки ложку – через рукав, как держат пожитки мертвых, – поклонилась и даже сумела выговорить:

– Кушай, батюшка.

Медведь заурчал и принялся есть. Вареву так загустело, что с трудом цеплялось на ложку, и издавало легкий запах гари. Масла мы не нашли никакого, даже льняного, но тут уж медведь сам виноват: его дом, его и припасы!

Мы ждали с замиранием сердца: сочтет ли он нашу стряпню хотя бы просто съедобной?

И теперь еще я с ужасом думаю, что за каша у нас тогда получилась... А тогда отметила мимоходом: медведь держит ложку вполне человеческими пальцами, которые только сверху прикрыты шкурой его передней лапы, будто рукавом. И ложку с кашей он сует не в зубастую пасть, а под нее, будто в горло, где у него тот рот, что с нами разговаривает.

Он прикончил кашу, выскреб дно горшка, потом облил ложку и вздохнул:

– Ну, ладно... Не буду вас есть пока.

– Отведешь нас домой? – спросила Эльга. – Ты же обещал.

– Придется отвести.

Медведь отложил ложку и встал, почти доставая головой до черной кровли:

– Собирайтесь.

Собирается нам было недолго: пригладили волосы да снова повязали платочки.

Медведь полез в светлый проем, мы – за ним, торопясь, пока не передумал.

Оказалось, уже вечерет. Мы вышли из дома рано, однако длинный летний день почти миновал. Но мы не удивились – нам казалось, что наши злоключения продолжаются долго-долго. И опять испугались: скоро ночь!

Хромая, медведь двинулся широким шагом прямо в чашу. Мы кинулись за ним. Сюда он принес нас на плечах, и страшно было думать, что проделать обратный путь придется пешком.

Мы устали и проголодались: после домашней утренней каши мы ели только чернику. Вскоре мы уже едва волочили ноги. Медведь часто оборачивался и подгонял нас.

А темнело, как нам казалось, быстро: закат еще сиял багряным золотом сквозь вершины, но внизу было уже так сумрачно, что мы с Эльгой едва различали дорогу и держались за руки, боясь друг друга потерять. На ту пору ничего со мной не случилось более тяжелого, чем этот обратный путь из Закрадьа в белый свет!

Мы ковыляли на своих натруженных маленьких ногах, обессиленные целодневным хождением, испугом, голодом, жаждой. Даже плакать у нас больше не осталось сил. Горло пересохло, смертельно хотелось пить, но мы боялись сказать об этом медведю. Он может рассердиться, а мы ведь сейчас на том свете – есть ли здесь обычная вода, не мертвая? Голова кружилась, от голода меня мутило, и порой я забывала, где я, что со мной случилось и почему я куда-то иду...

И наступила миг, когда мы одновременно споткнулись, не удержались на ногах, осели на мох и замерли, привалившись друг к другу. Нам уже не было страшно: пусть ест нас, если ему надо, но мы больше не в силах и шагу ступить!

Недовольно ворча, медведь подошел и снова вскинул нас на плечи. Покачиваясь на ходу, среди мрака неизвестности, обессиленная до бесчувствия, я, кажется, заснула, потому что дальше не помню.

Очнулась я оттого, что медведь спустил нас наземь. Кругом было темно, и меня пронзил ужас: он занес нас под землю! Однако тут же я увидела: светит полная луна, заливая белым сиянием тропу вдоль берега широкой реки. Это что – Забыть-река, что отделяет белый свет от Нави?

– Вон там ваш дом! – медведь махнул лапой куда-то вперед. – Мне дальше нельзя, собаки учуют. Ну, бегите живее, пока я не передумал! И в другой раз не попадайтесь. Непременно съем!

Мы огляделись и поняли, где очутились. В это лето нам впервые позволили немного покрутиться у купальских костров, и мы уже видели это место ночью. Мы были уже на своей стороне брода, на луговине, где паслось наше стадо. А за нею стоит Варягино!

Видя спасение совсем близко, мы встали и пустились бегом по тропе, даже забыв попрощаться с медведем. Бежали с чувством чудесного избавления от неминуемой гибели; остановились только выпить воды из реки – ведь это была уже наша родная река, привычная, живая!

Вода придала нам сил, и вскоре мы увидели знакомые громады темного частокола вокруг нашей усадьбы.

Шагов за десять до ворот Эльга вдруг остановилась.

– Подожди! А что, если... прошло сто лет и там все умерли?

– Как умерли? – я недоуменно взглянула на нее.

У меня упало сердце.

– А вдруг мы пробыли в лесу целых сто лет? Я знаю, так бывает. В Нави все кажется по-другому. Думаешь, провел там один день, а на самом деле – сто лет.

– Ну... Не идти же назад, к нему... Пойдем, постучимся. Узнаем, кто там теперь живет.

– А вдруг наши мамы уже умерли?

– Зато там живут наши внуки... – я фыркнула, так мне стало вдруг смешно.

– Дурочка, какие у тебя внуки? Ты же девочка!

– Ну, у Аськи с Кетькой. Вот мы войдем, а там неведомые люди, и они скажут: наш дедушка был Асмунд сын Торлейва... Может, мы Аську еще застанем!

– Он не проживет сто лет!

– А может, проживет! Он мне говорил, что хочет прожить сто лет!

– Эй, кто там под воротами? – окликнул нас мужской голос, и я, едва веря ушам, узнала голос своего отца. – Что за люди? Вы не видели двух маленьких девочек? У нас две девочки потерялись, мы боимся, не унес ли их медведь в лес? Их зовут Эльга и Ута.

– Это мы! – завопили мы с Эльгой, от счастья прыгая на месте (откуда только силы взяли). – Мы здесь, здесь!

Вот так в тот раз закончилось наше приключение.

Поначалу мы опасались, что нас станут ругать – зачем, мол, потерялись, бестолковые? – но все обошлось. Нас обнимали, целовали, умывали, кормили, поили, причитали над нами... Мы испытывали несказанное блаженство, вновь оказавшись в привычном родном доме, в безопасности, среди близких!

Наутро матери выдали нам передники, и мы стали носить их с гордым чувством, что отныне мы – не детища, а отроковицы!

Мы и правда изменились после этого дня. Стали как-то по-иному смотреть на мир. Наши маленькие семилетние сердечки содрогнулись от встречи с неведомым, души на миг выглянули из своих обиталищ и вернулись не совсем такими, как прежде.

Я и сейчас ясно помню все: наш смертный страх, решимость безысходности, торжество каждой малюсенькой победы...

Мы стали ощущать себя старше и уже с чувством превосходства смотрели на тех, кто, пусть даже будучи взрослее нас годами, не был в лесу и не варил кашу медведю. Побывав за гранью, теперь мы знали кое-что, недоступное простакам.

Но мы не загордились. Помня о страшном медведе в лесу, еще усерднее учились, старательнее помогали матерям по хозяйству, не ленились за прялками. Как знать, чего лесной владыка потребует в другой раз? А не справимся – съест. И ни высокий тын, ни родители, ни даже мечи отцовской дружины не спасут.

Ведь тот пугающий мир, где вершатся людские судьбы, оказался гораздо ближе, чем мы думали.

Глава 3

Зимой, когда реки покрываются льдом и с одной на другую можно проехать просто на санях, обозы торговых гостей тянутся с юга на север почти непрерывно. Завидев на реке вереницу саней, люди съезжаются из лесных весей: привозят на продажу добытый за зиму мех, сотканые бабами полотна, меняют на соль, красивую посуду, полосочки ярких шелковых тканей, блестящие бусы из стекла и камня. На куньи и бобровые шкурки вымениваются серебряные шеляги, а те можно просто носить в ожерелье, а можно перелили на перстни и обручья. Князя и старейшины приглашают проезжающих на пиры. Угощают, расспрашивают о новостях – порой не менее ценных, чем товары, – получают и дарят подарки.

Через устье Ловати на Ильмень-озеро и дальше на север варяги ездили постоянно. Целые роды кормились тем, что поставляли им припасы, чинили сани и лодьи, обеспечивали всем необходимым, давали проводников. У князя Дивислава для варягов было поставлено несколько просторных изб возле реки, но в самом Зорин-городце он их на постой не принимал. Он первым завел собственную дружину для поддержания порядка на торгу и охраны путей, отказавшись от найма воеводы-русина. Свой род он вел от старшего из троих братьев, которых звали Зоря, Полудень и Вечерко. Каждую зиму, в Карачун, на княжеском пиру непременно рассказывалась повесть о братьях, которых отец, Дунай-князь, послал на север искать себе доли. Старший, Зоря-князь, добыл себе в жены берегиню реки Ловать и осел ближе к устью. Двое младших ушли по восточному берегу Ильменя и поселились там. До нынешнего века дожил только род Зори, и Дивислав полагал себя наследником дедней славы, ответственным за то, чтобы не уронить ее под напором все сильнее наседающей руси.

Снарядился Зоря-князь,
Едет по полюшку, по чистому,
Едет по лесу, да по зеленому,
Одолела его жажда нестерпимая,
Ищет молодец да быстрой реченьки,
Быстрой реченьки, ручья бегучего.
День искал, другой искал,
А на третий говорит ему конь-огонь:
Не ищи ты, Зоря-князь, быстрой реченьки,
Не ищи ручья ты бегучего.
Затворила все ручьи да реченьки
Берегиня-водяница, ведьма лютая.
Затворила двенадцать рек, двенадцать ручьев,
Придавила белым камешком,
А сама и спать повалилася.
Вопрошает Зоря-князь своего коня:
– Где сыскать мне ту водяницу, ведьму лютую?

В обчине Зорин-городка стояла тишина, нарушаемая только размеренным голосом гусляра. Хотовид, волхв и сказитель, был дальним родичем Дивислава и в каждый Карачун заново пел сказание о своем предке. И все, кому хватило места в княжьей обчине – родичи во всех коленах, домочадцы, старейшины окрестных родов, наиболее знатные из торговых гостей, кому случилось пережить здесь праздники солоновороты, пока нельзя трогаться в путь, – затаив дыхание, слушали о том, как заселился людьми этот край, откуда пошли роды, населяющие ныне берега Ловати.

Как ударил Зоря-князь да дереву,
Разлетелся дерево да по полешечкам,
А полешечки – да на щепочки.
Пробудилася тут ведьма лютая,
Закричала она да громким голосом:
– А и кто такой не дает мне спать-почивать?
Буде зверь лесной – со шкурой съем,
Буде добрый молодец – с костями съем.
Да и стали они да биться-ратиться,
Только гром гремит, да земля дрожит.
Горы белые содрогались,
Леса дремучие всколыхались,
А что зверя было – все бегом бегут.
Одолел Зоря-князь ведьму лютую,
Бросил на сыру-землю водяницу.
Отвалился тут белый камешек,
Потекли ручьи да реки чистые,
Двенадцать рек, двенадцать ручьев,
А тринадцатая – сама Ловать-река.
Достает Зоря-князь свой булатный нож,
Хочет резать-бить ведьму лютую.
А и видит вдруг диво-дивное:
Нету ведьмы злой водяницы,
А лежит пред ним дева красная:
Она станом стройна, личиком бела,
Сквозь рубашку тело видети,
Из кости в кость мозг переливается,
Будто скачен жемчуг перекатается...

И каждый слушатель видел мысленным взором юную девушку дивной красоты: еще не опомнившись после превращения, снявшего с нее злые чары старости и смерти, она лежит, раскинув по траве белые руки, разметав золотые волосы. Грудь тихо вздымается, ресницы трепещут, румяные губы чуть заметно улыбаются в ожидании поцелуя, что пробудит ее и даст новую жизнь – ей самой, земле-матушке, роду человеческому...

В душевной общине, среди запахов дыма и жареного мяса, будто веяло весной.

И яснее всех эту весну видел князь Дивислав – прямой потомок того молодца, который сотворил это чудо и населил берега освобожденной Ловати своими внуками. Он слушал это сказание каждую зиму, сколько себя помнил. Тринадцати зим он остался старшим в роду – наследником Зори-князя в глазах семьи, рода и племени. С тех пор как раз минуло еще тринадцать зим. Теперь это был зрелый мужчина, довольно рослый, крепкий. Не сказать, чтобы он был очень хорош собой: черты округлого лица, на которое волосы с середины лба спускались углом, были правильны, но грубоваты, скулы слишком выступали, серые глаза были широко расставлены. Но короткий прямой нос облагораживал черты и придавал им приятность. Во взгляде князя отражался ум, решимость и твердость, и в то же время – дружелюбие.

Судя по тому, как посматривали на него гости, именно таким они воображали древнего витязя, слушая «Сказание о Зоре и Водянице».

Дивислав взглянул на жену. Всевида, его ровесница, уже принесла ему пятерых детей и теперь ждала еще одного. Десять лет назад, когда он впервые ее увидел под свадебным покры-

валом, она показалась ему прекрасной, как та берегиня. Годы, заботы и частые роды сказались на ее внешности: румянец побледнел, у ясных глаз появились морщины, не хватало нескольких зубов. Но Дивислав почти не замечал перемен: любовная память о первой поре заслоняла в его глазах нынешнюю явь. Для нее он покупал самые красивые шелка и бусы, и сейчас она выглядела достойной соперницей для любой берегини: на ней было красное платье из греческого шелка с крупным узором в виде пар оленей, обращенных друг к другу мордами; голову покрывал длинный убрус белого шелка. Пояс Всевиды был соткан из красных и желтых шелковых нитей, а на шее висела низка бус из медового сердолика и желтого стекла с «глазками» – эти бусины считались не только украшением, но и сильным оберегом, и каждая из них стояла целую кунью шкурку. При огне бледность лица женщины была почти незаметна, зато шелка сияли, будто солнце!

Здесь, на торговом пути, все привыкли к паволокам; даже старейшины ближних сел и их жены, не имея средств на настоящее греческое платье, шили дома такое же изо льна и домокращеной шерсти, пуская привозной шелк лишь на отделку. И сейчас среди гостей таких шеголей было с десятков; приверженцы дедовых обычаев, чьи жены носили в поневы и обычные белые сорочки с вершниками, косились на них – не то с неодобрением, не то с завистью...

Все уже знали, что княгиня опять тяжела – даже под широким платьем это было заметно. Беременность давалась ей нелегко: она часто хворала и недавно, как встал санный путь, вызвала к себе свою старшую сестру Держану, уже вдову, чтобы ухаживать за ней и помогать по дому. Держана привезла троих собственных детей, так что в доме теперь было не протолкнуться от ребячьей возни и писка. Но Дивислав не роптал: это было будущее его рода, его племени.

Все восемь мальцов сидели, притихнув, вокруг матерей и слушали, вернее, впитывали своими незрелыми умишками то, что божественным лучом осветит им дорогу в жизни.

После сказаний снова подняли чаши за предков, попросили у богов и чуров благословения потомкам.

Потом пошли уже разговоры о том, о сем, о делах житейских...

– Что там в Киеве? – спрашивал князь у Бодди, торговца-варяга, которого кривичи звали Будиной. – Видели князя Олега?

– В этот раз я князя Олега не видел... Помнится, на лову он был, – с важностью ответил Бодди, будто князь непременно позвал бы его к себе, если бы только случился дома.

Бодди был мужчина уже зрелый, довольно грузный, хотя не толстый, рослый, с широким лицом, черными бровями. Из каких мест он был родом, никто не знал: имя у него было северное, на северном языке и на словенском он говорил одинаково свободно, но бороду брил, оставляя темные усы подковой до края нижней челюсти. Держался он всегда горделиво и постоянно возил с собой пару молодых рабынь; каждый год новых.

– Как у него дела? – продолжал князь. – Что древляне?

Дивислав знал, что в тот самый год, когда Олег-младший занял киевский стол, ему сразу пришлось отправиться на войну. У Олега Вещего с древлянскими князьями имелся договор о дружбе и совместных походах – еще лет двадцать назад они вместе ходили на Царьград и привезли огромную добычу. Но после его смерти древляне от договора на прежних условиях отказались и представили новые: чтобы киевский князь пропускал их товары беспошлинно, а купцов включал в число своих людей, которых греки обязаны кормить все время пребывания на царьградских торгах. Кияне возмутились. Олег Предславич не мог начать свое княжение с уступок, и древляне пошли на него ратью. Киевское войско, растерянное потерей прежнего полководца, было разбито, Олег оказался вынужден принять унижительные условия. Поляне приуныли: казалось, вместе с Вещим их покинула удача и возвращается прежнее убожество. Поговаривали даже, что-де с князем неудалым скоро сами опять будем, по-старому, Деревам

дань давать. Многие из дружины, даже знаменитые воеводы, отправились искать себе другого князя, благо русских князей имелось немало до самой Волги-реки.

– Но в Киеве говорят, что скоро с этим унижением будет покончено! – оживленно рассказывал Бодди. – Я слышал, на будущее лето готовится поход. Князь Олег обижен, что его родичи с Ильмень-озера не прислали ему никакой помощи, но теперь Ингер, брат княгини, уже почти взрослый и сам намерен идти на древлян.

– Взрослый? – удивился Дивислав. – Я же помню, он совсем мальцом туда уехал.

– Сколько лет назад это было! – улыбнулась Всевида. – Забываешь, как быстро время течет. В тот год как раз наш Солоня родился, а ему уже пять.

– Ингер получил меч год назад! – добавил Бодди. – Не удивлюсь, если он скоро женится, особенно если боги пошлют ему в походе удачу и случай проявить себя! Я ведь слышал, он уже давно обручен с какой-то девушкой знатного рода.

– Да, – кивнул Дивислав, – с дочерью... то есть внучкой плесковского князя.

– Уже не внучкой, а племянницей, – поправил Хотовид. Отложив гусли, он теперь сидел на почетном месте за княжым столом и подкреплялся медом десятилетней выдержки и жареной вепрятиной с кислой капустой. – Сестричадой. Старый Судогость умер летом, теперь его сын Воислав в князьях. А за Ингоря холмоградского они просватали дочь Воиславовой сестры.

– Ну, вот! – поддержал довольный Бодди. – Значит, юному Ингеру осталось только доказать, что он уже взрослый мужчина, и можно будет готовить свадебный пир. Хотел бы я на него попасть!

Дивислав переглянулся с Хотовидом, и оба из вежливости спрятали усмешки. Прочие ухмылялись более откровенно: «Как же, ждут тебя там, все глаза проглядели!»

Несмотря на свою внушительную внешность, Бодди уважением не пользовался: это был жадный, тщеславный человек с недобрый взглядом. Чуть что, начинал кричать, обличая свою трусость и слабодушие. Вид у него был довольно мрачный, но хвастливость делала его разговорчивым. Здесь его знали уже достаточно: настолько, что ему приходилось платить мыто несколько больше обычного, лишь бы его пустили на Ловать.

Нудогость, старейшина гнезда Требонежичей, с негодованием отворачивался всякий раз, как Бодди подавал голос. Три весны назад у него пропали с луговины две девки, а последними чужаками, проезжавшими через уголья, был Бодди со товарищи. Доказать их вину тогда не удалось – девок ведь мог и леший заманить, – но дед Нудята до сих пор держал зло на варягов и не имел с Бодди никаких дел. Говорил: «Лучше с кашей съем своих бобров, чем этому шишку лысому продам».

– А, что? Я такой человек, что меня на любой пир позвать не стыдно! – разливался соловьем Бодди, не замечая недобрых и насмешливых взглядов. – Я ведь не какой-нибудь растяпа, что весь век просидел в своем углу и думает, будто за рекой весь белый свет кончается! Я умею и хорошо одеться, и вести беседу. Мне есть что людям показать!

– Жене своей, видать, показать нечего! – шепнула Держана на ухо Всевиде, и на бледном лице княгини появилась улыбка.

– У меня даже пес умнее иного человека! Он ездит со мной во все поездки, и плохо придется тому вору, который подойдет к моим товарам. В Царьграде он однажды целую ватагу прогнал. А у меня там были немалые сокровища! Вот что мне подарили в Царьграде! – Бодди, уже довольно пьяный (умеренность за столом в перечень его достоинств не входила), вытащил из-за пазухи какую-то цепь или ожерелье и поднял повыше, чтобы все могли посмотреть. – Это мне подарил один знатный человек на пиру... Меня приглашал в гости один куропалат...

– К курам в палату? – охнула изумленная Держана, и весь стол разразился хохотом: так и представился Бодди, сидящий в курятнике и важно держащий речи среди домашней птицы.

– Да что бы вы понимали, женщины! – Бодди взмахнул своей добычей. – Да любая из вас бы переспала с лешим ради такой награды!

– А ты-то с кем за него переспал? – крикнул Нудогость, ради такого случая соизволивший заметить своего неприятеля.

– Я? – Бодди взвился от негодования. – Да я получил в подарок! Это мне подарила одна знатная женщина, которая служит самой василиссе!

– Чьей лисе она служит?

– Она полюбила меня... Она сказала: «Ты, Бодди, такой достойный человек, что всех сокровищ для тебя будет мало! А пока возьми хоть эту безделицу...»

– Сам ты безделица!

– А ты старый лешак, борода венником!

Нудогость был уже стариком, и седые волосы вздымались у него над залысым лбом, будто белое пламя. Но его морщинистое, раскрасневшееся от меда лицо выражало решимость и негодование; он был для своих лет еще очень крепок и бодр, как телом, так и духом.

Без раздумий он ринулся вперед и накинудся на Бодди. Оружия ни при ком на пиру не было, но свалка вышла знатная. Товарищи Бодди пытались вступить за него, кривичи хватили их за руки; опрокинули два стола, посуда полетела на пол, и уже захрустели под ногами черепки. Женщины подняли вопль, взвился крик и брань. Кто-то торопливо топтал на полу лужицу горящего масла из опрокинутого светильника, пока не вышло пожара.

Цепь, которой хвастался Бодди, выпала из его руки и отлетела почти к княжескому сидению. Кто-то поднял ее и вручил Дивиславу – пока не затерялась. Князь глянул, потом показал жене и Держане, тянувшей шею из-за плеча сестры.

Это оказалось ожерелье. Тут Бодди не преувеличил: каким бы путем ни попала к нему эта вещь, ее следовало счесть настоящим сокровищем. Ожерелье составляли восемь крупных бусин, похожих на плоские бочонки; они были вырезаны из полупрозрачного камня насыщенного зеленовато-голубого цвета. Между ними были вставлены девять округлых, гладких белых жемчужин величиной с ягоду брусники. Сквозь каждую бусину или жемчужину был пропущен золотой стерженек, с двух концов загнутый петелькой; эти петельки цеплялись одна к другой, скрепляя ожерелье. Застежкой служили золотой крючок и колечко на двух круглых бляшках из чистого золота. Бляшки, похожие на золотые монетки, покрывал сквозной тонкий узор из побегов и цветов. В середине ожерелья красовалась золотая подвеска в виде креста, тоже с жемчугом. Даже у княгини, повидавшей немало дорогих вещей, захватило дух при виде такой красоты, и она не сразу сумела передать ожерелье обратно в руки мужа.

Драка меж тем прекратилась: противников разняли, развели по углам, умыли, напоили водой.

Нудогость все еще грозил оторвать Бодди все, что болтается, тот отвечал, что никогда в жизни больше не приедет к «этим невежам»...

– Недокунь ты старый! – орал он. – Норка пешая!²

Князь переслал Бодди ожерелье, и тот удалился, провожаемый напутствием Держаны:

– А к глазу сырого мяса приложи, хорошо помогает, синяк быстрее сойдет!

Словом, пир удался.

О нем еще говорили несколько дней спустя, когда княгиня Всевида с сестрой и челядинками вышла прогуляться по берегу – размяться и подышать.

Все восемь детей возились под заснеженным обрывом: рыли пещеру, чтобы играть в «подземельного мамонта». Над пригорком поднимался дым: горели праздничные костры на валах святилища. Но их оставалось только три: в знак того, что через три дня закончатся двенадцатидневные празднества солоновороты.

² Термины из старинной меховой торговли.

У реки выстроились в ряд просторные избы и клетки: в избах жили торговые гости, в клетках хранились их товары. Под длинным навесом стояли сани и лошади, вдоль ограды прогуливались сторожа.

Сегодня Всевида чувствовала себя совсем здоровой и надеялась, что теперь уж доносит до срока безбедно. Держана, старше нее лет на пять, вела княгиню под руку, чтобы не споткнулась. Внешне сестры очень походили друг на друга, всякий признал бы в них единую кровь. Среднего роста, не пышные, скорее жилистые женщины, с рыжеватыми бровями, веснушчатými носами, они были не так чтобы красивы, но миловидны. Держана уже сильно поблекла, лицо ее высохло и утратило румянец, три зуба спереди и сбоку потерялись, но она была бодрa и жаловалась гораздо меньше, чем многие вдовы, оставшиеся с малолетними детьми.

– Я во сне сегодня видела, будто тебе двойню принести, – сказала вдруг она, оглядевшись сначала, не слышит ли кто. – Сына и дочку.

– Ох, ты! – Всевида в изумлении глянула на нее. – Вот чего не хватало!

– А я думаю: похоже на правду! Живот у тебя как скоро вырос, а не понять, кто там: то одно думаешь, то другое.

– Да ладно, у нас уже и дочки, и сыночки есть, теперь кто ни прибудет – и слава Суденицам! Обошлось бы... Да у нас и не было в роду двойни ни у кого...

– Была, ты забыла. Гостиана, бабки Солокрасы младшая сестра, дважды приносила по двойне! А ты уже не молодлица: это точно, что у баб на возрасте чаще двойни случаются. Правда, я про одну слышала, у той двоен было не то пять, не то шесть...

Держана всегда «слышала про одну» и знала множество случаев, примет и средств для всего на свете. А также помнила всю родню, свою и покойного мужа, не хуже самих Судениц. Здесь, в Зорин-городке, она всякий вечер вела долгие беседы с местными бабами: неустанно расспрашивала, кто кем кому приходится, с искренним любопытством разглядывала свадебные «родовые полотенца», охотно извлекаемые из укладок, и разбирала родовые деревья старейших местных семей. Можно было не сомневаться, что вскоре она будет знать всю родню Дивислава лучше него самого.

Они дошли уже почти до крайних изб гостиного двора. На широком пустыре перед ним зимой и летом нередко шумели торги – всякий раз, как придет очередной обоз. Сейчас снег был истоптан и примят – на недавних праздниках тут устраивали игрища, «медвежью борьбу», с настоящими медведями и ряжеными. Глянув на пустырь, Держана фыркнула – вспомнила, как смешно поддельный «медведь» гонялся за девками, норовя опрокинуть в снег и зарыть: «засолить», как это называется.

Всевида тоже хотела сказать что-то веселое, обернулась... и вдруг резко втянула в себя воздух.

От ограды навеса прямо к ним стрелой несся огромный пес грязно-желто-бурой шерсти – с широченной мордой, черной, будто его окунули в сажу, ростом человеку по пояс. Пышный от густой шерсти, косматый, как медведь. Он летел по примятому снегу, молча, нацелившись на двух женщин.

Всевида только охнула, покачнулась и рухнула без памяти. А Держана, поначалу обомлев, быстро опомнилась и завопила во все горло.

То ли псу не понравился крик, то ли он с самого начала так и собирался поступить, но, не добежав по женщин шагов пяти, зверюга вывернула петлю и помчалась обратно к ограде. Наверное, псу велели охранять сани, вот он и отгонял посторонних.

Всевида замертво лежала на снегу, Держана стояла над ней и вопила:

– Ой, убили, погубили княгиню, да что же это делается, звери лютые...

От ограды бежали трое мужчин – варяги из дружины Бодди; от вала святилища торопился еще кто-то, путаясь в полах длинного овчинного козуха. Из городца их еще не заметили.

Увидев людей, Держана перестала кричать, опустилась на колени рядом сестрой и попыталась привести ее в чувство, легонько похлопывая по щекам.

– Что же вы делаете-то, чудики вы лихие, юды вы беззаконные! – ругала она подбежавших, но вполголоса, чтобы не пугать еще сильнее княгиню. – Извод вас возьми! Убили, совсем загубили! Да разве ж можно таких псов страшных без привязи держать! А если бы он нас тут растерзал обеих? Вот князь узнает, он вас в бараний рог скрутит! Давайте, несите в город, что оставились? Так ей и лежать на снегу, пока совсем не помрет?

– Это сторожевая собака! – попытался оправдаться один, по имени Эйлак. – Она товар охраняет...

– Очень княгине нужен ваш товар! Пусть бы за загородкой бегал или на привязи. А как можно такую чудищу среди бела дня на воле держать! А если бы ребенок попал? Да он его в один присест заглотит! Бережней поднимай, это тебе не репы мешок! Ой, боги мои...

Второй варяг, покрупнее и посильнее, поднял Всеvidу и понес к городцу.

К ним подбежал Видимер, прибиравшийся в святилище после праздников; Держана послала его вперед, чтобы приготовили лежанку, а сама шла рядом с Хавгримом, несущим княгиню, и вполголоса причитала.

Почувяв что-то ужасное, все восемь их отпрысков бросили игры; старшие умчались в городец, вопя: «Княгиня умерла!», а младшие облепили Держану и заревели с ней заодно.

В воротах сам Дивислав выскочил навстречу и перенял у варяга жену. Увидев его, Держана тут же перестала причитать, стала успокаивать: напугалась, мол, княгиня, вот и сомлела, это бывает, ничего, обойдется...

На варягов князь только глянул, но так, что они тут же кинулись прочь.

Всеvidу уложили, раздели, растерли ей руки и ноги. На сорочке обнаружилось кровавое пятно.

Тут уже Держана, не на шутку перепуганная, кинулась заваривать калиновую кору, полезную в таких случаях. Детей она собрала чуть не в охапку и выставила за дверь, велев пока забрать их другим бабам. Все это время она не переставала причитать почти шепотом, для собственного утешения, но действовала здраво и споро. Рыжеватые пряди от суеты выбились из-под волосника и платка, и она безотчетно засовывала их обратно тонкой бледной рукой.

Князь сначала присел у двери, но быстро понял, что тут от него толку не будет. Немного опомнившись, вскочил. Подойти к жене он не решался: в ней открывалась бездна, с которой если кто и справится, то лишь другая баба, а его присутствие могло только навредить. Словно вспомнив что-то, он схватил шапку и в расстегнутом кожухе выскочил наружу.

У избы толпились чуть ли не все жители Зорин-городка, расспрашивая друг друга, что произошло. Торговые гости маялись перед своими избами. Широким сердитым шагом, в сопровождении целой гурьбы родичей, князь направлялся к ним. Завидев его, варяги частью попрятались, частью на всякий случай схватились за оружие.

Дивислав остановился перед избой, где пристала ватага Бодди.

– Где этот хрен болотный! – рявкнул он. – Иди сюда, шкура варяжская!

Из низкой двери с неохотой вылез хмурый Бодди. Он предпочел бы прикинуться, что его нет, но у князя был такой вид, точно не окажись Бодди на месте – без раздумий прикажет поджечь избу.

– Где твоя проклятая собака? – Дивислав шагнул к Бодди, будто намереваясь схватить за грудки, и тот, хоть и был выше ростом и крупнее, отшатнулся.

Князь опомнился: не к лицу ему лезть в рукопашную с каким-то варяжским бродягой.

– Опять ты за свое! – Дивислав кипел и с трудом держал себя в руках; отраженное в чертах бешенство делало этого в целом приятного человека почти страшным. – На пса твоего уже люди жаловались, я тебе говорил, чтобы больше его в моих землях не было? А ты, мало того, что опять его притащил, так и без привязи пускаешь! Он на княгиню мою напал!

– Да мой пес умнее человека... – по привычке начал Бодди, уже упираясь спиной в стену дома: дальше пятиться было некуда.

– Не твой пес умнее человека, а ты сам дурее всякого пса! Сегодня чтоб прикончил его. И чтобы люди мои видели!

Дивислав обернулся и глянул на толпящихся за ним мужчин: те охотно закивали.

– А не то велю все ваши сани сжечь, лошадей и товары заберу, и скажи спасибо своим богам, если сам живым уйдешь!

Он пошел было прочь, но через три шага обернулся.

– А если княгиня моя... если что дурное с ней случится, я... Дохлым псом ты от меня не отделаешься.

Князь ушел, а Бодди вздохнул и послал за топором.

Даже если не считать последней угрозы, стоимость лошадей, саней и товаров неизмеримо превосходила его привязанность к псу. Этого зверя он пару лет назад выиграл в кости; как пса кликать, никто не спросил, но за размеры и угрожающий вид его прозвали Кабанья Морда. На самом деле он был не так уж и зол, просто ему нравилось из озорства пугать людей.

После случая с княгиней Эйлак догадался привязать его под навесом у саней на крепкую веревку, там он сейчас и сидел.

Наблюдать за казнью остались Видимер и Жила, княжий отрок.

Вскоре они вернулись на княжий двор и рассказали не то со слезами, не то со смехом, как несчастного пса держали втроем, пока Бодди пытался топором проломить ему череп, но прочная кость не поддавалась. Когда наконец тот перестал дергаться, в крови и брызгах мозга были все четверо.

– Досмерти забили? – уточнил хмурый князь.

– Досмерти, княже...

Всевида к тому времени очнулась, выпила отвар калиновой коры и цветков нивяницы и заснула. Была она уже спокойна, кровотечение прекратилось, затворенное зельями и заговорами. Держана уверяла, что-де все обойдется, но Дивислав не спешил радоваться.

– Точно! – заверил Жила. – Потом на санках на реку свезли и там зарыли.

– Кровищи налилось... – морщась, Видимер развел руками, – на полдвора. Будто свиняку резали. Вот бесы – и животину забить не умеют толком. Откуда руки у людей растут...

Дивислав отвернулся.

– Скажите этому шишку лысому, чтобы собирался, – буркнул он. – И пусть больше к нам сюда глаз не кажет – не пуцу. Пусть хоть через Хазарское море ездит, мне плевать.

Жила вновь ушел и вернулся с нижней просьбой от Бодди: разрешить отложить отъезд до окончания праздников. Ранее, стало быть, со сборами никак не управиться.

До этого срока оставалось всего два дня, и Дивислав махнул рукой.

Эти два дня княгиня провела в постели: Держана настаивала, что нужно лежать, пить сон-траву и нивяницу. Да и Дивислав не хотел, чтобы жена выходила из дома, пока не уехали варяги: что-то может ей напомнить о злосчастном происшествии.

– Я сердечко послушала, – однажды шепнула князю Держана, когда никого не было рядом. – Ну, к череву ее ухом припала да послушала: хорошо ли бьется. И вот что я тебе скажу, роденький...

Она еще раз оглянулась и наклонилась к самому его уху:

– Два сердечка там стучит! Одно справа, другое слева.

– Да что ты! – Дивислав даже привстал.

– Тише! Не сболтни никому. Верно тебе говорю, что два!

Это известие ободрило Дивислава: он не помнил, чтобы в его роду появлялись двойни, но истолковал это как добрый знак.

Поэтому он даже с благодушием встретил известие о том, что в последний вечер перед отъездом Бодди устраивает пир и приглашает окрестных старейшин: Перенега, Буеслава, Кочесбуда и даже Нудогостя. Все они присутствовали, когда Бодди хвастал ожерельем и подрался с Нудятой. Как объясняли посланцы, раз уж Бодди здесь больше не бывать, он сожалеет о бывших ссорах и хочет со всеми помириться, чтобы оставить о себе добрую память.

Дивислав только хмыкнул: неужели совесть пробудилась? Но вслух ничего не сказал, и старейшины решили, что, пожалуй, не худо будет сходить послушать, что бродяга скажет на прощание. Только Нудята в ответ лишь сплюнул и показал посланцам дулю, но иного, в общем-то, от него и не ожидали.

Пир прошел гладко. Бодди принимал гостей хорошо, лишь по привычке неумеренно хвастал. Угощение было внушительное: полный котел мяса, тушеного с луком и чесноком, с подливкой из брусники, два котла похлебки: рыбной – с пшеном и луком; гороховой – с репой и поджаренным салом. Приглашенные остались довольны, перед очагом вскоре выросла куча обглоданных костей, пивом обносили без задержек, и под конец пира гости и хозяева даже принялись нестройно петь.

– Ну, прощай! – говорили старейшины, уже в темноте пробираясь к своим саням и поддерживая друг друга. – Только ты того... больше к нам не жалуй. Скучать без тебя будем, да князь наш суров: сказал нет, значит, нет.

– И я буду скучать без вас! – твердил раскрасневшийся от пива Бодди. – Вы еще не раз меня вспомните... Кощей меня возьми.

* * *

Наутро варяги уехали. Убрались они еще в темноте, а ближе к полудню, как совсем рассветло, князьи челядинки пошли чистить в избе и клетях. После пира тут был свинарник: везде на полу объедки и кости, на столах – треснутые грязные миски, под лавками – стоптанные черевьи и сено, которым их набивают, на полатах – рваные обмотки и протертые чулки, в углах – лужи мочи и блевотины. Даже подстилки из еловых лап и соломы варяги не потрудились сжечь. Бабы мели пол, выгребали грязь из углов, скоблили лавки, столы и полаты, чтобы не стыдно было пустить новых постояльцев.

И вдруг одна испустила пронзительный вопль.

Пытаясь вымести под лавкой, она наткнулась на темную кучу... непонятно чего. Было похоже на шкуру, и эта шкура пованивала. Стиснув зубы, баба вытащила «эту дрянь» на свет – дверь стояла нараспашку, чтобы выморозить вшей и блох – и развернула.

Сразу ей померещилось нечто знакомое.

Это была шкура довольно крупного зверя – свалявшаяся, изрезанная, залитая спекшейся кровью, от которой совсем склеился грязно-желтый и бурый мех.

– Да это ж ихний пес! – сказала другая. – Вон там еще что-то в углу, глянь.

– Сама глянь, – морщась от вони, пробормотала первая. – Чего они ее сюда затолкали-то?

– Да это не может быть того пса! – возразила третья. – Того пса они в снег у реки закопали, как бы он сюда опять попал? И кто с него шкуру снимал? Шкура-то дрянь, они его искромсали всего, будто врага кровного.

– А-а! – первая баба заглянула под лавку и обнаружила там... отрубленную песью голову со знакомым черным пятном на морде. – Голова!

На бабий визг прибежали князьи отроки. Шкуру и голову выволокли из избы и бросили на снег. В это время Жила с глубокомысленным видом изучил сваленные у очага кости, пошевелил их ногой, чтобы получше рассмотреть... и схватился за горло, судорожно глотая.

– Слава Перуну, что меня этот шиш болотный на пир не звал! – прохрипел он, удерживая рвотный позыв. – Он ведь своих гостей дорогих... псиной накормил!

Весть мгновенно облетела городец и округу. Скрыли ее только от княгини, опасаясь, что ее начнет выворачивать, если не хуже. Весь народ сбежался смотреть на шкуру и голову – жуткие доказательства «гостеприимства» Бодди.

– Это он нам отомстил так! – толковали возмущенные жители. – Песье мясо есть заставил!

– А дурням и не в примету, что хозяева их потчуют, а сами не едят?

Когда старейшина Перенег, проблевавшись, снова мог говорить, его спросили об этом, и ответ всех изумил.

– Да как это – «сами не едят»? Тут бы мы уж заметили, чай у нас на плечах не репы печенье сидят! Ели они! И Будиня сам ел, хрен лысый! Так еще навораживал! Из того же котла куски брал, что нам, то и себе. И люди его ели.

Дивислав, узнав обо всем этом, не то расхохотался, не то разрыдался – по лицу его текли слезы. Налицо было тяжкое оскорбление, нанесенное волости и самому князю.

Поняв, что здесь ему больше не ездить, Бодди лихо отомстил. Как он и обещал, его еще долго будут здесь вспоминать: ему светило войти в местные предания и красоваться в них, пока живо племя Зори. То, что он не пожалел собственного желудка ради удачи обмана, наводило на мысль о тех славных мужах древности, что готовы были погибнуть заодно с врагом. Так сразу и не поймешь, чего достоин такой «подвиг»: уважения или презрения.

Старики, наевшиеся псины, со сраму попрятались от людей.

А через пару дней, пока не утихли еще разговоры, Бодди дал новый повод говорить о себе. Прибежал на лыжах мужик из веси близ Ильменя, где по речке проходил рубеж владений ловатичей и Будогостичей.

– Корова! – закричал он, будучи допущен к князю и забыв даже поклониться. – Корову мою забрали, нечистики проклятые! Лешии, шиши водяные, чтобы им бревном подавиться! Чтоб им каждая кость буренки моей поперек горла встала и весь век мучила! Чтоб им оба рога ее в задницу воткнулись! Чтоб им...

– Ты о чем? – Жила встряхнул его за плечо, боясь, что мужик так и будет браниться до самой весны.

– Забрали корову мою! Варяги, что отселе ехали на Ильмень! Сказали, это взамен того барана, что здешние старики сожрали у него! Так велел и передать.

Оказалось, что сельцо этого хозяина, всего-то из трех дворов, ограбили люди Бодди. В сельце было пять мужиков, но против двух десятков хорошо вооруженных и бывалых варягов они ничего поделаться не могли.

Кормились они больше озером, и коров на всех имелось всего две. Обеих и забили варяги, которым предстоял еще долгий путь, а по зимним холодам была надежда сохранить мясо до тех пор, пока все не будет съедено.

Когда Дивислав уразумел суть дела, на лице его вместо ожидаемой ярости отразилось вдруг такое облегчение, что мужик от удивления даже умолк. А князь успокоился, потому что теперь точно знал, что делать.

Грабеж окончательно подтолкнул его к решению, что негодяев нельзя отпускать восвояси. Дружину он мог собрать небольшую, но на два десятка подлецов, растерявших всякий стыд, сил хватит!

* * *

Как всякий, кто приезжал из Киева последним, Бодди мог рассчитывать в Хольмгарде на хороший прием: ведь он привез самые важные для хозяина новости.

– Понятное дело, Олег киевский хочет, чтобы Ингер отправился в поход, – рассуждал Бодди за столом Олава, будто Олег Предславич с ним лично советовался. – Ведь его собствен-

ный сын еще слишком мал, ходить на войну ему рановато: он едва-едва научился ходить, ха-ха! А Ингеру ведь уже четырнадцать, да?

Бодди посмотрел на Сванхейд, и хозяйка кивнула: она-то помнила, сколько лет ее старшему сыну.

– Он уже почти совсем взрослый мужчина! Ему уже скоро можно жениться! Я уверен: когда он покроет себя славой в этом походе, пора будет посылать за невестой!

– Если мы правильно поняли Вальгарда из Плескова, его дочь еще слишком юна для брака, – возразил Олав. – Хотя это не значит, что ей не пора переехать в ее будущий дом. Пока что она могла бы пожить у нас... среди наших детей...

– Уж лучше бы Мальфрид наконец прислала нам своего ребенка! – возразила Сванхейд, которой гораздо больше хотелось заполучить собственного внука, чем совсем чужую девочку.

– Еще через год мы сможет этого потребовать, – кивнул Олав. – Но сейчас, наверное, не стоит отрывать его от матери, как ты думаешь?

Сванхейд только вздохнула. Она часто с тревогой думала об обоих своих детях, Мальфрид и Ингваре: ведь они жили так далеко от нее, среди чужих людей и разных опасностей. Говорили, что княгиня Мальфрид стойко переносит вместе с мужем все их поражения и неприятности, и мать гордилась ею; но вот и сын, которого она проводила в путь совсем маленьким, уже стал взрослым мужчиной, носящим меч, и собирается на войну!

Но что Сванхейд могла сделать? Таково предназначение тех, кому суждено было появиться на свет в знатном роду.

Тем временем Бодди, видя, что хозяйка от него отвлеклась, заговорил о другом.

– Эти жалкие людишки запомнят меня надолго! – хвастал он перед соседями по столу. – Они теперь знают, как угрожать мне и посягать на мое имущество! Они заставили меня зарубить моего любимого пса, лучшего пса на свете! Он был умнее любого человека. Я не променял бы его на трех коней! А они заставили меня убить его самым незаконным образом. Но я отомстил им! Им пришлось съесть этого пса! Ха-ха! Вы бы видели, как эти дураки глодали собачьи кости! А чтобы возместить ущерб, я забрал двух коров...

– Я не расслышал, где это было? – Олав наклонился ближе к нему со своего высокого сидения.

– В Зорин-городце, недалеко за устьем Ловати.

И Бодди поведал всю повесть о гибели Кабаньей Морды. Всеобщее внимание было приковано к нему: кто-то смеялся, Сванхейд качала головой, сочувствуя княгине. Олав до самого конца рассказа не проронил ни слова и не сводил с Бодди пристального взгляда.

– Занятое происшествие, – обронил он, когда гость закончил свою похвальбу. – Но ты понимаешь, что больше не сможешь ездить этой дорогой?

– Я не боюсь их жалких угроз! – хорохорился Бодди. – Я буду ездить, где захочу, и никто не помешает мне!

– Если Дивислав потребует, чтобы я больше не допускал тебя в земли кривичей, мне придется прислушаться к его просьбе. Таков уговор: я не должен пропускать через свои владения людей с враждебными намерениями. А твои намерения отныне никто не посчитает дружескими. Я знаю, что кривичи уже на тебя жаловались. Теперь тебе не место на торговом пути.

– Неужели ты станешь слушать этих жалких людей?

– Мне нет дела до этих людей, но меня очень волнует серебро, которое попадает ко мне через Дивиславовы земли.

– Конунг! – В грид вошел дозорный с крепостной стены. – На реке виден какой-то отряд – человек пятьдесят, и все вооружены. Никаких товаров не везут. Похоже, едут с кем-то сражаться.

Повисла тишина. Бодди заметно переменялся в лице.

– Сдается мне, Бодди, это к тебе! – Олав взглянул на гостя. – Те самые жалкие людишки, которым ты оставил о себе такую добрую память. И что мне теперь делать? Они потребуют, чтобы я тебя выдал. Желаеть выйти к ним и показать, как мало ты с ними считаешься?

– Нет, Олав конунг, ты ведь не сделаешь этого! – Бодди разом побледнел, что странно было для такого крупного и могучего по виду человека. – Ты не можешь, меня охраняет закон гостеприимства, а еще – ты сам обязан давать приют и защиту всякому честному торговому гостю... Для этого ты здесь поставлен богами...

– Ты сам это произнес – «честному гостю», – Олав движением руки велел своим людям готовиться, и все встали с мест, чтобы идти одеваться и вооружаться. – Но я не уверен, что это слово применимо к тебе. Твое поведение в гостях у Дивислава не назовешь красивым. Я никому не позволю приказывать мне или запугивать меня, но его доводы, сдается мне, будут убедительны. Ты нанес обиду его жене в ее собственном доме. И вместо того чтобы загладить свою вину хорошими подарками, оскорбил еще и его старейшин.

– Я поднесу тебе хорошие подарки! – из всей этой речи Бодди выхватил единственное слово, которое хорошо понял. – Я дам тебе три... пять соболиных шкур от бьярмов, это очень хорошие шкурки, здесь таких не водятся!

Сванхейд презрительно фыркнула, сощуриив глаза.

– Ты все равно сюда не вернешься, – Олав поморщился и покачал головой. – И мне, в общем, все равно: уедешь ты живым и здоровым или Дивислав убьет тебя и спустит под лед. Так или иначе, я тебя больше никогда не увижу. А вот мир с Дивиславом мне еще очень пригодится! Если он не станет пропускать через свои земли тех гостей, которых пропустил я, мне придется с ним воевать, а война очень вредит торговле. А виноват во всем будешь ты! И ты думаешь, что эти убытки можно возместить тремя соболиными шкурками! Да пусть твой соболя величиной с ледовых медведей – этого явно мало!

– Конунг! – вошел кто-то из хирдманов, уже в шлеме, с копьем и щитом. – Они остановились перед воротами. Говорят, дружина Дивислава ловацкого, и он требует, чтобы ему выдали Бодди.

– Ну? – Олав выразительно уставился на означенного гостя. – Похоже, у меня нет иного выхода...

– Ты не можешь допустить... – начал Бодди, но Олав движением век отменил этот довод.

– Я дам тебе кое-что получше! – в отчаянии Бодди полез за пазуху и вынул ожерелье с золотыми застежками и жемчужным крестом. – Вот что я дам тебе! Это носил один епископ в Грикланде... Этой вещи нет цены!

Олав взял ожерелье в руки. Не требовалось долго рассматривать, чтобы понять высочайшую ценность украшения – драгоценные камни, золото, жемчуг, тонкая работа...

Конунг передал его жене, и та с удовольствием взяла драгоценную низку. Переглянувшись с ней и увидев в ее глазах одобрение, Олав, не глядя, протянул руку к своему оружию. За время разговора тот успел принести из спального чулана все оружие и снаряжение хозяина: кольчугу, шлем, щит, копье и меч.

– Я посмотрю, что можно сделать, – неохотно обронил Олав. – Я буду говорить с ними, а ты сиди тихо, как мышь, и не высовывайся.

Бодди с готовностью закивал. Безумного порыва отваги от него явно не следовало ожидать.

* * *

Когда-то, три поколения назад, укрепление Хольмгарда было выстроено так, чтобы оборонять пристань и корабли: оно подковой огибало часть берега с холмом и стояло незащищенной «спиной» к высокому речному обрыву, к воде – стихии, если не родной варягам, то

дружественной, а «лицом» к берегу – враждебному чужому миру, откуда следовало ждать нападения. Нижние концы укрепления давно оказались размыты паводками Волхова, верхние, тоже выстроенные из срубов, засыпанных землей, порядком обветшали. В стене имелись ворота, к которым вела дорога через неукрепленное поселение под стенами: там жили ремесленники, торговцы, корабельные мастера всякого языка и рода.

Имея преимущество в числе дружины, Олав приказал открыть ворота и вывел своих людей на пустырь за последними избами, где велел выстроить стену щитов. Однако сам с оружием и знаменосцем стоял впереди.

Он немного знал Дивислава и намеревался решить дело переговорами, а мощный строй из восьми десятков хирдманов в шлемах и с круглыми щитами был тем его доводом, который обычно и не приходилось пускать в дело. Кольчуга и шлем с бронзовой позолоченной отделкой сразу придали ему внушительности и даже как будто сделали выше ростом. В руке он держал секиру с красивой серебряной насечкой на обухе. Копье тоже было драгоценностью – украшенное на втулке насечкой из серебра и золота, оно под солнцем сверкало, будто молния. Когда-то у Олава таких было два, но одно он подарил своему человеку, Свенельду, когда отпускал его со своим маленьким сыном в Киев.

Дружина Дивислава выглядела далеко не так представительно. В кольчугу облачился только князь; старейшины и два десятка отроков имели щиты, на некоторых красовались шлемы. Остальные были одеты в кожухи, вооружены топорами и копьями, а вместо щита многие держали дубину, чтобы отводить ею вражеские выпады. Зато много было лучников.

Нелегко им будет одолеть дружину Олава – превосходящую числом, гораздо лучше выученную и вооруженную. И раз уж Дивислав не сумел, как надеялся, догнать Бодди по пути сюда, оставались переговоры.

– Что привело тебя сюда? – спросил Олав, поздоровавшись. – Я был бы рад встрече, если бы не твой воинственный вид и эти вооруженные люди с тобой.

– На тебя, Улеб, я зла не держу. Ищу одну тварь брехливую, двуногую – ее и псом не назовешь, а то псам обидно будет.

Дивислав в шлеме выглядел ничуть не менее внушительно, чем его собеседник. Его серые глаза под серой сталью тоже казались железными – такая твердая решимость в них светилась.

– Не у тебя ли в доме варяг один укрылся – Бодди его зовут. Да с ним людей два десятка. Он мне обиду нанес, по пути жителей ограбил, старейшин моих оскорбил.

Дивислав указал рукой с копьем на строй позади себя, где сбоку от его собственной дружины выстроились Буеслав, Перенег и Кочевуд со своими родичами. Они были вооружены копьями, топорами, переставленными на более длинную рукоять, и сулицами. К троим, отдавшим песьего мяса, присоединился и избежавший срама Нудогость – ухватился за случай посчитаться со своим давним недругом.

– Не может быть! – деланно удивился Олав. – Какое же оскорбление он нанес этим мужам?

– Достаточное, чтобы они искали возмещения за бесчестье. И он напал на жителей моей земли, отнял две коровы. Я вправе мести искать. Если у тебя этот лиходея, ты мне его выдай.

– Не буду требовать доказательства твоих слов, ибо ты человек знатного и старинного рода, – немного помолчав, будто обдумывал эти новости, ответил Олав. – Но Бодди в Хольмгарде нет. Он ждал, что ты за ним придешь, и поспешил уехать дальше в Альдейгью, у меня не задержался.

– Коли так, и я за ним. Хоть до самого моря по следу пойду.

– Прости, но это невозможно, – Олав покачал головой. – Перед людьми и богами я поклялся не пропускать вооруженных людей с враждебными намерениями ни на Волхов, ни в озеро, в любом направлении. Ты не хуже меня знаешь, как важен мир на этих землях.

– Но если ты знаешь, как важен мир, почему ты пропустил этого шишка болотного? – вспылил Дивислав. – Тебе уже приносили на него жалобы. Ты знал, что это бесчестный человек. Эту гниду вовсе нельзя было на Ильмень пропускать! И я не дам ему просто так уйти. Если ты не хочешь дать мне дорогу, чтобы я разыскал мою обиду с него, мне придется разыскивать ее с тебя! Ты готов платить за его разбой?

– Ты слишком много от меня хочешь! – хотя его более молодой оскорбленный собеседник горячился, Олав сохранял невозмутимость. Ему в жизни приходилось вести немало подобных споров. – Бодди – не мой человек, я беру с него плату за постой и безопасность на моем участке пути, как и с любого проезжающего. Я не могу отвечать за его дела вне моих земель! Если так рассуждать, то ко мне поедут люди со всего света, от самого Серкланда, и будут требовать с меня возмещения всей добычи, которую там взяли викинги, все эти бесчисленные конунги, которые прошли туда через мои земли. Он совершил свое преступление не на моей земле, а на твоей...

«И только ты сам и отвечаешь за него», – слышалось в умолчании Олава.

– Ты знаешь, я не из тех варягов-лиходеев, что ищут себе добычи, где судьба пошлет, – ответил Дивислав. – Я не собираюсь грабить людей на Волхове или в Ладоге. Мне нужен только Будина, и никого другого я не трону, клянусь Перуном!

– Не сомневаюсь, что цели твои благородны и законны. Но, так или иначе, ты принесешь на Волхов войну. Мы не можем знать, где Бодди найдет приют и поддержку, кто пожелает вступить за него. Все эти земли могут оказаться охвачены раздором и запольхают на много лет. На памяти людей такое уже случалось и никому не принесло счастья. Мне ведь не придется объяснять тебе, как невыгодно это нам всем?

– Я не уступлю своей чести и не продам ее за серебро!

– Твой порыв благороден, но пока я не вижу способа нам с тобой обоим сохранить честь и не нарушить свои обязательства. Но это не значит, что такого способа нет. Я предлагаю вот что. Я не могу пустить в свой дом вооруженную дружину, раз уж меж нами вышел спор, но ты можешь, я уверен, найти приют в ближних селениях, – Олав указал копьем в сторону Словенска, – и немного обождать. Завтра или через день мы вновь побеседуем и найдем решение, подходящее для нас обоих.

– Глаза отводит, – шепнул Перенег Нудяте. – А злодей наш тем временем утечет.

– Но не воевать же его, пса варяжского! – Нудяте окинул взглядом укрепления. – Вон, у них стена какая высокая, а дружины против нашей вдвое.

– Больше того! – добавил Олав. – Я очень прошу тебя не возвращаться домой, пока мы не договоримся. Менее всего я хочу, чтобы между нами возникла вражда и расстроила все наши дела.

Олав понимал: у него будут большие неприятности, если Дивислав в отместку перекроет путь на Ловать. Тогда он обязан будет пойти на кривичей войной, чтобы расчистить путь для торговых гостей. А ввязываться в войну он не хотел: это откроет его спину для желающих занять выгодное место. Даже от Хакона ладожского, любимого родича и зятя, можно ожидать чего угодно.

* * *

Словенск, самое старое поселение в этом краю, не имел укреплений и городом не был. Зато в избах вдоль узкой речки жили потомки тех первых словен, что прибыли сюда почти пять веков назад. Как уверяло предание, там уселся пришедший с юга по Ловати князь Словен, отчего род пришельцев, расселяющихся среди чуди и голяди, стал зваться словенцами. Князь, сидевший в Словенске, считался старшим из пяти князей малых племен вокруг озера и до сих пор собирал подать «на богов» для главного святилища в Перыни.

За последние века Словенск не раз подвергался разграблениям. Прекратились они только тогда, когда князь Гостилуб, дед нынешнего Унегостя, признал Тородда конунга своим владыкой и стал платить ему дань. Так с тех пор и продолжалось: Словенск властвовал над малыми князьями, а сам платил дань руси.

Увидев перед собой вооруженную дружину, местные жители сперва испугались. Но кривчи лишь попросили приюта, и вскоре Дивислава с нарочитыми мужами провели к Унегостю.

Дивислав был так мрачен, что с трудом находил силы учтиво отвечать на приветствия и расспросы хозяев. Больше всего он хотел знать: впрямь ли Бодди со товарищи уехал или Олав его прячет?

Но на этот вопрос Унегость ответить не мог. Это был мужчина уже в годах, давно выдавший замуж всех дочерей и переживший сыновей, рослый, худощавый, с продолговатым лицом и впалыми щеками. Усы и борода у него росли клоками, каждый жил будто сам по себе и торчал в свою сторону, а в седой, пегий и ржаво-рыжий цвет природа окрасила эти клочки безо всякого цельного замысла, как попало.

– Вроде приезжали к нему люди в эти дни... – Унегость неуверенно переглядывался со своими домочадцами. – А вот остались или дальше поехали... Я ж не слежу за ними, мне своих забот довольно. Улеб за проезжающими глядит и с них шеляги берет, его и забота...

Глядя, как старик мнетя, Дивислав заподозрил, что тот знает больше, чем говорит, но не хочет неприятностей. Старейшина Поозёрья находился в полной власти Олава, имевшего под рукой сильную дружину, и не хотел с ним ссориться.

Рассказ о проступках Бодди все выслушали с полным сочувствием. Завидев в глазах Унегостя и его домашних яркое любопытство, Дивислав заставил себя подробно рассказать о случае с Всевидой: иначе по Ильмень-озеру разойдется совсем иной рассказ о том, как именно Бодди «обидел» его жену. Сраму потом не оберешься.

– Да уж, такие они, племя проклятое! – сказал Призор, один из младших сыновей Унегостя.

Он был почти ровесником Дивиславу, всего на пару лет моложе. Уродился он явно в мать: пониже ростом, чем отец, плотный, круглолицый, только буйные светло-русые кудри жили своей жизнью, как у отца, несмотря на носимый им у пояса красивый привозной гребешок из самшита.

– Сколько наш род на этом месте сидит, столько почти от них житья нет, – горячо продолжал он. – Вам там еще хорошо, до вас не всякая дрянь доходит, а у нас тут... Теперь вот этих Туродичей посадили к себе на шею. Они нас подряжались от прочих волков оборонять. И что – обороняют?

– Да ладно тебе! – унимал его старший брат, Требогость. – Мы не видели, как было, когда на Холм-граде дружина не сидела. А дед рассказывал. Ты еще не родился тогда, а я помню...

– Да толку от того, что они там сидят? – горячился Призор, видимо, не в первый уже раз. – И почему они? Дань с нас берут! Чем они так хороши, чтобы мы, старший словенский род, им дань платили? Да наши деды тут сидели за три века до того, как на Ильмене в первый раз про них услышали. Мы здесь всегда были и всегда будем. От разбоев нас защищают?! А я не просил меня защищать! Что, сами не можем? Руки слабы, копьа держать не умеют? Посади меня в Холм-град – я не хуже справлюсь! И дружину наберу! Или у словен мужей и отроков неробких не осталось? Будет серебро – будет и оружие, и кольчуги, и шеломы, и дружина будет. Обойдемся и без Туродичей! Эх, мал я был, когда Улеб со старым Синеусом ратился – вот тогда надо было... Собрали бы войско да прихлопнули их обоих разом, пока они между собой дрались. Упустили случай, теперь опять дань платить!

– Уймись, Зорко! – прикрикнул на него отец. – Доболтаешься до беды!

– Твой сын дело говорит! – поддержал Призора Дивислав. – Посади его с дружиной в Холм-град – уж он-то ни одной гниды варяжской на наши земли не пропустит! Зачем вы дань

даете на чужую дружину, когда можно на свою? А сколько серебра и прочего добра в варяжские руки уходит, а могло бы быть вашим!

По лицам он видел, что ненависть и зависть к варягам, что заняли такое выгодное место и захватили власть над людьми и серебром, давно уже точит души.

– Если самим сил не хватит, так найдется, кому помочь, – продолжал Дивислав, видя, что его вполне понимают. – А то перед богами и чурами стыдно: мы, потомки богов наших, каким-то волкам заморским платим. С нашей земли им даем такие прибитки получать! Земля эта наша, наших отцов и дедов, и коли ездят через нее торговые гости, так нам и получать с них шеляги! Почему чужим отдаем?!

Ему отвечал еле слышный ропот – казалось, он исходит не из сомкнутых уст, а из самих сердец словенских нарочитых мужей.

– Нет, ты, друг дорогой, эти речи оставь! – с неудовольствием возразил Унегость. – Ты живешь далеко, а мы близко. Ты приехал и уехал, а нам здесь и дальше жить, землю пахать, детей растить. Улеба так просто не скovyрнешь, крепко засел! У него и в Киеве родня, и в Плескове скоро будет родня. Слышал ведь, что он за сына своего берет дочь плесковского князя?

– Не дочь, а племянницу по сестре, – поправил Дивислав.

– Ну, хоть так. Допустим, мы соберемся, ты поможешь, Будогостици помогут... Побьем варягов, сами в Холм-граде сядем. А дальше-то? Киевский князь за родню обидится – он на Олавовой дочери женат. Наши товары в Греческое море не велит пропускать. Мы на Варяжское – а там, в Ладоге, другой зять Олава сидит. Мы через Плесков на Варяжское море – а и там Олавова родня! – Унегость развел руками и хлопнул себя по бедрам, выражая безнадежность дела. – На Волгу попробуй – и там русы с дружинами. И хоть ты тресни! Не будет тогда ни гостей торговых ниоткуда, ни паволок, ни серебра. И что толку тогда с этого Холм-града? Тут не только городец взять, тут связи нужны. Такие дела с разбегу не делаются, тут вам не через костер купальский скакать...

Он с досадой покосился на младшего сына, который, видимо, уже давно и часто смущал словен подобными разговорами.

Дивислав взглянул на Призора: тот промолчал, но, судя по его глазам, был не прочь еще поговорить с гостем.

Только чтобы отец не слышал.

* * *

Назавтра в Словенск явился Герлейк, приближенный Олава. С ним было всего пять человек, но они приехали верхом, возле их седел были приторочены мешки.

– Я приехал передать тебе, Дивислав, предложение от конунга. Он сожалеет, что тебе был причинен ущерб на твоей земле. Конунг не может позволить тебе искать мести на той земле, где он охраняет мир, но больше всего желает сохранить мир с тобой. Поэтому он предлагает тебе принять от него подарки во искупление твоего ущерба и обиды, а также обязуется больше никогда и ни в коем случае не пропускать Бодди через свои владения. Возможно, ты захочешь посмотреть подарки, пока будешь думать над ответом?

– Давай-ка, показывай! – оживленно предложил Унегость, по лицу Дивислава видя, что тот не отвергнет сходу протянутую для примирения руку.

Дивислав тоже понимал, что его ссора с хозяином волховского пути очень дурно скажется на торговле и на отношениях со всеми соседями. Собственные старейшины не скажут ему спасибо, если он лишит их возможности сбывать бобров, куниц, воск и лен в обмен на серебро и паволоки.

Если уж ему придется выбирать между миром и честью, он выберет честь. Но сначала нужно убедиться, что иного пути нет.

Хирдманы принесли мешки, развязали и выложили на столы в обчине их содержимое.

Здесь были драгоценные собольи шкурки, куски цветного шелка, яркие расписные блюда и даже один рейнский меч-корляг³. Все мужчины, даже кому никогда не случилось не то что держать подобный меч в руках, а даже видеть его вблизи, знали их превосходное качество. Клинок был еще без рукояти и ножен, но сам по себе стоил столько же, сколько остальные подарки.

– Вот, это тебе, – Герлейк показал Дивиславу на меч. – Если пожелаешь, конунг прикажет изготовить для него рукоять из серебра и ножны с украшениями. Вот этот шелк – для твоей жены, а прочее ты можешь раздать своим людям, которые понесли ущерб и претерпели обиду по вине Бодди. Тогда никто из нас не потеряет чести и сохранится мир.

Дивислав внимательно осмотрел меч, бережно взяв его через льняное полотно, в котором его привезли. Клинок действительно был хорош! И это будет первый варяжский меч в его роду...

Всевида с Держаной обрадуются шелку, а меха и посуда помогут старикам забыть, как они обгладывали ребра Кабаньей Морды. Князь взглянул на лица старейшин: только Нудогость презрительно кривился, зато остальные взирали на подношения горящими глазами.

Мельком Дивислав зацепился взглядом за лицо Призора: тот украдкой ему подмигнул и слегка улыбнулся. «Соглашайся», – говорил этот взгляд. Видимо, младший Унегостев сын знал или думал еще кое-что, о чем не мог сейчас сказать.

– Ну, если согласны мои мужи нарочитые... – Дивислав еще раз оглянулся на спутников, и они закивали. – Вижу, подарки неплохие. Ради мира и дружбы с Олавом... я согласен их принять.

– За это надо чару поднять! – почти пропел Унегость.

Он больше всех был рад, что нависшая угроза войны прямо у его порога благополучно миновала.

– Милодедовна! – крикнул он жене, стоявшей с невестками поодаль у двери. – Меду давай!

А пока Унегость с довольным видом потирал руки, Дивислав снова глянул на Призора. Тот широко ухмыльнулся, уже не скрывая довольства.

* * *

На самом деле Олав не понес ни малейшего убытка ради этого примирения. Подарки, включая рейнский клинок, были взяты из товаров Бодди. Объяснив, что кривичи настроены очень решительно и что ему будет гораздо проще, выгоднее, да и честнее выдать им преступника, чем покрывать его, Олав изъял три четверти товаров, которые вез варяг. Из них половину отослал Дивиславу, а вторую половину взял себе за беспокойство. Таким образом, как он объяснил несчастнейшему Бодди, всем вышла прямая выгода: Дивислав сохраняет честь, его люди получают возмещение ущерба, Олав уберегает мир в своих владениях, а Бодди – жизнь.

– И если рассудить как следует, – закончил Олав свою речь, – то всякий признает, что именно ты выгадал больше всех. Честь можно так или иначе восстановить, мир заключить заново, а нажать имущество для толкового человек нетрудно. Вот только утраченную жизнь вернуть невозможно, и от трупа, как говорил Один, нет уже никакого проку.

³ Корляги – то же, что каролинги, древнерусское обозначение жителей Франкского государства, здесь – название мечей рейнского производства.

На следующий день, передав поклон Олаву и оставив трех соболей Унегостю в благодарность за приют и ласку, Дивислав с большей частью дружины уехал восвояси.

Задержались отроки – сыновья его старейшин, Призор их пригласил съездить с ним на лов. К ним присоединился и Нудогость. Призор, хорошо знавший и местность, и людей вокруг, обещал кривичам отличную забаву и недурную добычу. Ради зимней скуки к ним присоединились другие молодцы и отроки Словенска, и когда ловцы наконец снарядились, их оказалось десятка четыре.

В Зорин-городок дружина под предводительством Нудогостя воротилась еще дней семь спустя.

Нудогость прошествовал прямо к князю, но там, прежде чем начать рассказывать, почтительно попросил Держану увести княгиню.

И не зря. После ухода женщин дед Нудята развязал мешок и с торжеством вытряхнул на пол нечто круглое, бледное, гладкое...

По обчине пролетел невольный крик – это оказалась человеческая голова. Черты лица были искажены предсмертным ужасом, однако по усам подковой все без труда узнали того, кого видели здесь совсем недавно и кто обещал, что его будут не раз вспоминать...

Все устроил Призор. Когда Дивислав с большей частью дружины уехал и Олав вздохнул с облегчением, Призор послал своих отроков следить за Холм-градом. Кто обращает внимание на мальчишек, удрящих рыбу из-под льда? Уж точно не Бодди, бежавший в страхе и горящий из-за потери почти всего товара.

И прямо на льду Волхова, еще до порогов, где не было поблизости жилья, среди бела дня его и накрыли «ловцы». Олав мог бы рассердиться за нападение на его земле, зато неведомые лиходеи помогли ему выполнить обещание: Бодди никогда больше не появится в этих краях. Вероятно, потому Олав и не стал поднимать шума.

О происшествии он узнал довольно скоро: ему принесли эту весть пятеро уцелевших спутников Бодди. Часть дружины погибла при нападении, часть пустилась дальше в Ладогу, под защиту тамошнего воеводы Хакона. А пятеро, отсидевшись в лесу, пока нападавшие не уехали, выждали дотемна и пустились обратно в Хольмгард – до него было куда ближе, чем до Ладоги.

– Я предвидел нечто подобное, – сказал Олав жене, когда они остались вдвоем в спальном чулане. – Дивислав – человек упрямый. Он явно мне не поверил, и нет ничего удивительного, если он решил все же добиться своей мести.

– И ты это так оставишь? Ведь он совершил разбойное нападение на твоей земле!

– Видишь ли, если я стану говорить с ним об этом, мне придется признать, что Бодди все же прятался у меня. Иначе нападение могло бы произойти не ближе Альдейгьи, и это была бы уже забота Хакона, а не моя. А Бодди – неудачливый человек. У него был слишком неудобный нрав: хвастливый и тщеславный, но трусливый. Тщеславие навлекало на него неприятности, а трусость мешала выпутаться из них с честью. Как говорится, ничто не спасет обреченного. Нам следует радоваться, что уж нас-то он больше в неприятности не втравит.

– На прощание он принес нам кое-что хорошее, – Сванхейд бросила взгляд на ларец, где у нее было заперто ожерелье из смарагдов и жемчуга.

– Ах, это! – Олав тоже посмотрел на ларец. – Прости, королева, но я не советовал бы тебе держать эту вещь у себя.

– Вот как! – Сванхейд в изумлении развернулась к нему.

– Да. Я бы советовал тебе с этой вещью расстаться. Я уверен, что Бодди хвастал ею на всем пути, в том числе – и в доме у Дивислава. И если не сам князь, то его женщины обязательно это запомнили: ведь такое ожерелье в этой части света одно, это не стеклянные бусины «с глазками» и «с ресничками», кои есть на каждом чудском хуторе. А к тому же подарки неудачливого человека никому еще удачи не приносили.

– Может быть... отошлем это Мальфрид? – поколебавшись, предложила Сванхейд.

Она признавала правоту мужа, но совсем расстаться с такой прекрасной драгоценностью у нее не было сил.

– Не думаю, что нам стоит ставить под удар нашу дочь, у нее и так жизнь непростая. Вот, может быть... – Олаву пришла другая мысль. – Что ты скажешь, если мы отошлем его нашей будущей невестке? Дочери Вальгарда, с которой обручен наш Ингвар?

– Девочке? – Сванхейд вытаращила глаза.

– Может, она еще мала для таких драгоценностей, но ее отец и прочая родня, несомненно, оценят это как знак нашего уважения. Нам уже пора бы его проявить: ведь они обручены целых три года!

– И кому же ты доверишь отвезти такую вещь?

– Думаю, кто-нибудь из сыновей Ветурлиди не откажется исполнить это поручение и заодно глянуть на нашу будущую невестку. Мы хоть узнаем, хороша ли она собой и много ли обещает в будущем. К тому же, если мы подарим ожерелье ей, оно не уйдет из нашей семьи: она ведь привезет его обратно, когда приедет к нам жить. Не думаю, чтобы Вальгард в своем захолустье раздобыл ей в приданое что-нибудь получше!

– Ты считаешь... – Сванхейд взглянула на мужа с сомнением. – Если мне нельзя держать его у себя, то ей можно?

– Через Плесков Бодди не проезжал и там эту вещь никто не видел. А до тех пор, пока невеста приедет сюда, все это досадное дело забудется.

– Но если Бодди мог передать свою неудачу... не опасно ли это для нашей невестки, ведь она еще совсем дитя!

Олав поднял брови:

– А вот и случай проверить, если ли у этой девочки *своя* удача... Неудачливая невестка нам ведь тоже ни к чему, правда?

Глава 4

В начале лета к нам приехал посланец от Олава с Ильмень-озера, нашего будущего родича, – в первый раз за все то время, что Эльга называлась невестой его сына. У нас порой поговаривали, не забыл ли он о ней вовсе. Но стрый Вальгард относился к этому без волнения. Дескать, эта помолвка нужна Олаву гораздо больше, чем нам, а наша девушка без женихов не останется.

Это была, несомненно, правда: уже на одиннадцатом году Эльга превратилась в настоящую красавицу. Она обогнала меня ростом, ее светло-русовая густая коса спускалась ниже пояса, а я свою сколько ни расчесывала, сколько ни мыла отварами цветущей крапивы, корня лопуха или березового листа, она оставалась вдвое тоньше и короче.

Даже в лице Эльги проступило нечто взрослое – разумное и уверенное. Она казалась старше меня года на два, и говорили, что через пару лет она уже будет годиться в жены.

Посланца Олава звали Фасти, и он приходился конунгу племянником – старшим сыном его брата Ветурлиди.

Мы с большим любопытством глазели на посланца «той стороны», то есть будущего родича Эльги по мужу. А она сама взирала на взрослого мужчину (ему тогда было уже двадцать с чем-то) с такой надменностью, что он, кажется, смущался и терялся. Эльга прекрасно помнила, что она – будущая королева, а он – ее первый подданный, которому посчастливилось предстать перед ее очами.

Фасти привез очень весомое подкрепление дружбы Олава. Хорошо помню, как мы все были изумлены, когда он вынул из-за пазухи плотный льняной мешочек, подвешенный на шнуре на шею, и выложил на стол перед Вальгардом ожерелье из смарагдов и жемчуга, с золотыми застежками и золотым узорным крестом.

Мы все так и ахнули! Даже Вальгард на миг утратил свою мнимую беззаботность и удивленно поднял брови. Бесполезно было и пытаться вычислить стоимость этой вещи в куньих шкурках, бусинах или даже в серебре. Она была единственной на свете, как сокровища богов из преданий, и не имела цены.

– Вот... теперь я вижу, что Олав не шутя хочет заполучить мою дочь в невестки! – пробормотал Вальгард.

– Уж в этом нет сомнений, – подтвердил Фасти и бросил на Эльгу такой взгляд...

В то время этот взгляд показался мне странным. Теперь-то я без труда разгадала бы его, но тогда была слишком мала, чтобы понять: мужчины уже видели в Эльге ту прекрасную женщину, которая вот-вот вылупится из скорлупы детства.

– Ну-ка, подойди! – позвал ее отец.

Она подошла, и он, осторожно вытащив золотой крючок застежки из колечка, приложил ожерелье к груди дочери.

– О боги, посмотрите! – восторженно ахнула Домаша. – Эти камни точно такого цвета, как ее глаза!

И мы все закричали, что это правда. Глаза у Эльги были странного цвета, для него никто не знал названия: вроде бы голубые, но с отливом зелени. И эти чудные полупрозрачные камни были точно такими же; с этим ожерельем на груди Эльга стала еще красивее, ожерелье словно нарочно было создано для нее. Не получалось даже представить его на ком-то другом.

– Ну, Елька, ты и везучая! – охнул Аська.

Ему, конечно, ни к чему были украшения, но и он понял, что Эльге судьба послала настоящее сокровище.

Эльга ничего не ответила, но сама посадка ее головы, невозмутимость лица, унаследованная от Вальгарда, словно говорили без слов: «Да, разумеется. А вы как думали?»

Я смотрела на нее, затаив дыхание от восхищения. Мы росли вместе, но в последнее время я все чаще чувствовала, что она обгоняет меня во всем, уходит вперед шаг за шагом, и как бы я ни торопилась следом, мне ее не догнать. Даже пояса она уже ткала быстрее меня, и более сложные узоры давались ей легче.

Ну, так и что же – не я ведь внучка плесковских князей и старшая невеста рода многославного Эльга Вещего! Я не ощущала в себе ни капли крови этого человека, а вот Эльга, казалось, унаследовала ее так много, как только возможно.

Всего через пару дней я узнала, что она сделала еще один решительный шаг вперед. Как-то она встала с лавки и пошла передо мной; я заметила у нее сзади на сорочке темное пятно и сначала подумала, что это березовый лист пристал. Хотела стряхнуть – и не смогла. Это оказалась кровь... Эльга стала взрослой.

* * *

Но все-таки этим летом главной среди девок была не Эльга, а к Вояна. Замужество ее первоначально замышлялась на минувший год, но тем летом умер Судогость. А смерть деда невесты, к тому же князя – такое событие, что свадьбу пришлось отложить до будущей осени. Но Вояна не сильно огорчилась: она получила еще одну зиму на то, чтобы готовить сорочки и рушники с вышивкой на подарки жениховой родне.

Наши матери вышивали для нее родовое полотенце: слева в виде ветвистого дерева был изображен род невесты, справа – жениха. Во время свадьбы они встанут на полотенце, каждый со своей стороны, чтобы было видно «на чем стоит» новая семья. Глянув на вышивку, всякий мог бы сказать, сколько и какой родни у них есть на несколько поколений, живы те сейчас или умерли. Невестину сторону начинают вышивать заранее, а женихову – после обручения.

Эльгина мать достала из укладки свое родовое полотенце с первой свадьбы, где был изображен род ее покойного мужа, отца Вояны; из Плескова приехала баба Годоня со своим таким же полотенцем, еще на поколение старше. За десятки лет красные нити вышивки поблекли, но отбеленный, плотно сотканный лен ничуть не обветшал, лишь немного потемнел. Когда их повесили на стену, чтобы были перед глазами, мы даже оробели: перед нами встала целая роща чуров, тот самый «дремучий лес», где живут их души! И все эти бесчисленные предки, стоящие теперь где-то возле самого истока мира, будто разом глядели на нас и оценивали, что из нас выросло...

Обычно Вояна шила, а баба Годоня рассказывала нам про дедов и бабок, их братьев и сестер с потомством, которые возникали под иглой в виде веточек и значков. Мы с Эльгой посмеивались и тайком подталкивали друг друга: ведь вот эти точки, ниже «дочернего узла» невесты и справа – мы обе и есть, ее младшие сестры! А вот – Володейка с Беряшей, а здесь, слева – младшие братья. Да им больше этих точек и не полагается, пусть сперва выучатся портить носить!

Но теперь бабы Годони с нами уже не было.

После того как прах князя собрали с остывшей крады и погребли в округлом родовом кургане, она сделала то, что собиралась: ушла к дедам. Перед этим по ней устроили поминки: как обычно, накрыли стол, испекли блинов, наварили медовой каши, поставили яйца, кисели. Сама Годоня во время пира сидела под столом и там ела по три ложки от каждого блюда, те самые, что уделяют духу покойного! И это, пожалуй, казалось еще более жутким, чем тот вечер, когда мы, семилетние, лежали на полатах и ждали, чем скажется зашедший на свои поминки дух стрыя Эльга.

Но теперь баба Годоня, несомненно, стала мертвой. На другой день, на летней заре, она вышла из детинца в простом белом платочке, повязанном по-вдовьи, с маленькой котомкой, и ушла по росной траве, с посошком, ничем не отличимая от любой простой бабы в старых годах.

– А куда она? – спрашивал Кетька, незадолго перед этим научившийся внятно говорить.

– К дедам! – с важностью повторяла я ответы взрослых.

– А где они?

– В Закрадье.

– А как туда идти?

– Я не знаю, а баба Годоня знает. Старые люди знают, где деды, потому что они сами старые, им скоро помирать. Когда делаешься таким старым, то тебе становится видно, куда идти, понимаешь? Только для этого надо быть очень старым.

– Как баба Годоня? – помолчав, уточнил Кетька.

– Как она. Не все доживают.

В наших глазах она была не просто старой, а почти древней. Словно сама сошла с того родового полотенца, что вышила Вояна, а ноги ее, будто корни старого дерева, глубоко сидели в сырой земле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.